

07
113
Священникъ ПАВЕЛЪ АНИКІЕВЪ.

АПОЛОГІЯ МИСТИКИ

ПО ТВОРЕНІЯМЪ

ПРЕП. СИМЕОНА НОВАГО БОГОСЛОВА.

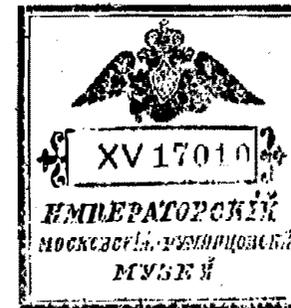
ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія М. Меркушева. Невскій пр., 8.

1915.

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе» 1915 г.

87
118

Апологія мистики по твореніямъ преп. Симеона Новаго Богослова.

*(Посвящается свѣтлой памяти моего дорогого отца, П. А. Анинева,
† 20-го Окт. 1914 года).*

В настоящее время и общество и литература выказываютъ большой интересъ къ мистикѣ и ко всему мистическому. Среди многихъ вопросовъ, связанныхъ съ изслѣдованіемъ и обсужденіемъ положеній, входящихъ въ указанную область, ставится и вопросъ о томъ, возможна ли христіанская мистика, признаваемая Христомъ и согласная съ евангеліемъ, или христіанство рѣшительно отрицаетъ всякую мистику, и все, соединенное съ мистикой, приписано или приносится въ христіанство извнѣ. Къ числу авторовъ, отвѣчающихъ на поставленный вопросъ въ томъ направленіи, что мистика и истинное, т. е. чистое, первоначальное христіанство несовмѣстимы, принадлежитъ и извѣстный представитель кантовскаго критицизма въ Россіи, почтенный профессоръ Петроградскаго Университета Ал. Ив. Введенскій. Помимо всѣмъ признаваемой объективной научности, къ мнѣніямъ названнаго ученаго побуждаетъ прислушиваться еще присущая ему рѣдкая способность необычайно ясно и опредѣленно ставить философскіе вопросы, выдвигать философскія проблемы, что въ свое время авторитетно отмѣтилъ покойный Вл. С. Соловьевъ ¹⁾.

¹⁾ „За проф. Ал. Ив. Введенскимъ должно признать рѣдкое умѣнье поднимать и ставить ребромъ философскіе вопросы наибольшаго жизненнаго интереса для мыслящихъ людей. Независимо отъ того или другого мнѣнія о предлагаемыхъ авторомъ рѣшеніяхъ этого рода вопросовъ, отчетливая постановка ихъ есть уже серьезная заслуга въ философской литературѣ“, соч. т. VIII, изд. 1903 г. „Понятіе о Богѣ“, стр. 1.

Проф. А. И. Введенскій уже нѣсколько разъ ставилъ вопросъ о несомѣстности мистики, собственно-мистицизма въ узкомъ смыслѣ, съ христианствомъ: первый разъ въ своей рѣчи „О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева“ (см. „Вопросы фил. и псих.“ кн. 56, янв.-февр. 1901 г.), потомъ въ своихъ „Философскихъ очеркахъ“ (изд. 1901 г., стр. 66—67); наконецъ, недавно въ послѣднемъ изданіи своего курса „Логика, какъ часть теоріи познанія“, СПб., 1912, гдѣ онъ, разсматривая различныя попытки защитить метафизику, какъ науку, какъ знаніе, а не какъ только вѣру,—трактуетъ и объ основанной на мистицизмѣ попыткѣ защитить метафизику, при чемъ касается и вопроса о возможности мистики въ христианствѣ, о согласуемости ея съ ученіемъ евангелія. Проф. А. И. Введенскій очень удачно, по нашему мнѣнію, формулируетъ весьма опредѣленно всѣ важнѣйшіе аргументы, обычно выдвигаемые противъ указанной возможности (см. послѣднее сочиненіе, стр. 279—287).

Вѣрный своему логическому методу, характерному для всѣхъ философскихъ работъ его и его школы, проф. А. И. Введенскій въ началѣ подлежащаго §-а опредѣляетъ понятіе „мистицизмъ“¹⁾. „Мистицизмомъ“ онъ называетъ „убѣжденіе въ объективномъ значеніи мистическаго воспріятія,—въ томъ, что оно прямо, непосредственно показываетъ намъ объективное, иначе—трансубъективное, бытіе“. Что же касается мистическаго воспріятія, то оно, по его словамъ, „можетъ быть охарактеризовано, какъ такое душевное переживаніе, при ко-

¹⁾ Проф. А. И. Введенскій говоритъ о мистицизмѣ, а не о мистикѣ: отношеніе понятій „мистика“ и „мистицизмъ“ требуетъ особаго обсужденія, что и будетъ сдѣлано нами въ своемъ мѣстѣ; теперь же лишь замѣтимъ, что, по нашему мнѣнію, мистицизмъ, понимаемый именно такъ, какъ понимаетъ его здѣсь проф. Введенскій, составляетъ суть, главный моментъ мистики вообще, и отрицать или признавать мистицизмъ, такъ понимаемый,—значитъ, собственно, отрицать или признавать и мистику, по крайней мѣрѣ,—въ ея главнѣйшей и важнѣйшей части. Объ отношеніи христианства къ мистицизму и мистикѣ см. проф. А. И. Введенскій. Философ. очерки, 1901, стр. 66 и 67; ср. ниже въ примѣчаніи слова проф. прот. П. Я. Святлова, затѣмъ ср. Hauck, Realencyklopädie für pr. Theologie und Kirche, Leipz., 1907, S. 631⁴²—644⁴⁴ S. M. Deutsch, особенно SS. 633 и 635 и сл.; Dr. Josef Zahn. Einführung in die christliche Mystik, Paderborn 1908, SS. 8—23, а также П. Мининъ. Главныя направленія древне-церковной мистики, Богослов. Вѣстникъ 1911 г., декабрь, стр. 823—838.

торомъ мы (т. е. испытывающій его) чувствуемъ свое внутреннее единство съ Богомъ, т. е. „мистическое воспріятіе состоитъ въ переживаніи невольной и неустранимой увѣренности въ присутствіи Бога въ насъ, совершенно такой же по своему характеру, какъ и наша увѣренность въ томъ, что сейчасъ (пока мы смотримъ на бумагу, гдѣ напечатаны всѣ эти слова) передъ нами находится бѣлизна, ибо обѣ эти увѣренности одинаково невольны и неустранимы; въ обѣихъ дается не выводъ изъ ощущенія, а самое содержаніе ощущенія и, наконецъ, знаніе и тамъ и тутъ является одинаково непосредственнымъ, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что въ мистическомъ воспріятіи знаніе сопровождается чувствомъ единства съ предметомъ знанія—съ Богомъ, а во второмъ нѣтъ ничего похожего на наше единство съ ощущаемой бѣлизной“ (стр. 279—280).

Затѣмъ авторъ формулируетъ свои возраженія противъ мистики и мистицизма такъ:

1) „Мистика—мистициста, т. е. человѣка не только признающаго, но и лично переживающаго мистическія воспріятія, сбиваетъ съ толку ошибочное отождествленіе понятія знанія съ чисто-психологическимъ понятіемъ сильной и твердой увѣренности: онъ пропитанъ сильной и непоколебимой увѣренностью, что созерцаетъ не только свое *субъективное*¹⁾ переживаніе, называемое мистическимъ воспріятіемъ, но и Самого *объективно* существующаго Бога, и эту свою увѣренность считаетъ знаніемъ, между тѣмъ это—лишь мнѣніе, нуждающееся въ доказательствѣ. 2) Если же не доказывать, то „никакъ нельзя устранить хотя бы такое сомнѣніе: можетъ быть, даже и есть объективно существующій предметъ мистическаго воспріятія (т. е. предметъ, существующій независимо отъ переживанія этого воспріятія и по временамъ возбуждающій послѣднее въ мистикѣ), да имъ служитъ вовсе не Богъ, а злой духъ—дьяволъ, который по злобѣ своей шутитъ злую шутку, внушаетъ мистику твердую увѣренность, будто-бы онъ непосредственно знаетъ Бога и находится въ прямомъ внутреннемъ единеніи съ Нимъ, а самъ стремится приготовить воцареніе антихриста на землѣ“ (284 стр.). 3) Да „мистицизмъ“, т. е. убѣжденіе въ объективномъ значеніи мистическаго воспріятія, явно отрицается евангельскимъ уче-

¹⁾ Вездѣ здѣсь курсивъ—подлинника.

ніемъ. Такое отрицаніе видно уже и въ томъ, что какъ Христосъ, такъ и апостолы, требуютъ отъ людей не знанія Бога, но всего лишь *вѣры* въ Него, свою же проповѣдь разсматриваютъ, какъ проповѣдь вѣры, а не знанія, коль скоро она касается не одного лишь факта воскресенія Христа, но Его божественности и вообще Бога ¹⁾. Затѣмъ есть въ Св. Писаніи мѣста, которыя прямо противорѣчатъ мистицизму, такъ ев. отъ Іоан. I, 18, откуда ясно, что лишь Христосъ видитъ Бога, а это оттого, что Онъ въ нѣдрѣ Отчемъ, и I Тим., VI, 15—16, откуда выходитъ, что если я вѣрую во Христа, то я не долженъ вѣрить въ объективное значеніе моего мистическаго воспріятія, а если вѣрю въ послѣднее, то уже нельзя вѣрить евангельской проповѣди, что только одинъ Христосъ можетъ видѣть Бога. Да и зачѣмъ мнѣ тогда Христосъ? Я и безъ Него нахожусь во внутреннемъ единеніи съ Богомъ и непосредственно созерцаю Бога. Христосъ нуженъ только тѣмъ, кто самъ не мистикъ ²⁾. Этимъ можетъ воспользоваться антихристъ, который, постаравшись своимъ исключительнымъ могуществомъ пробудить и развить мистичность во всѣхъ желающихъ, добьется того, „что Христосъ перестанетъ быть нужнымъ кому бы то ни было“.

4) „Въ заключеніе, говоритъ проф. А. И. Введенскій, замѣтимъ, что хотя въ видахъ упрощенія вопроса мы все время такъ рассуждали, какъ если бы у насъ не было никакихъ сомнѣній въ дѣйствительномъ, а не кажущемся, переживаніи

¹⁾ Здѣсь интересно будетъ указать нѣкоторые тексты изъ св. евангелія и апостольскихъ посланій, напр. Іоан. VI, 69; VII, 17, VIII, 32; XIV, 6—7, 20; XVI, 3, особенно же XVII, 3: „сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, Единаго Истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Ипсуса Христа“, при чемъ должно имѣть въ виду и Іоанн. VI, 47, 48 и 54. Затѣмъ, I Іоан. I, 1—3; II, 3—5, 20; III, 6, 14; IV, 7—8, 16 и особенно V, 19—20, а изъ посланій ап. Павла, напримѣръ, Колос. I, 9—10 и II, 2—3 и др.: здѣсь вездѣ говорится не о вѣрѣ лишь, а именно о знаніи Бога, Христа и дѣла Христова, и требуется даже это познаніе, которое можно разсматривать, какъ высшую вѣры ступень приближенія человѣка къ возможной для него полнотѣ богопознанія, ср. Іоан. VI, 69.

²⁾ Въ своемъ мѣстѣ будетъ разъяснено, что здѣсь мы видимъ странное непониманіе сути христіанства: лишь во Христѣ и чрезъ Христа можно человѣку находиться въ дѣйствительномъ, реальномъ внутреннемъ единеніи съ Богомъ и созерцать Бога, т. е. быть истиннымъ мистикомъ, ср. Мв., XI, 27—30; Іоан. VIII, 12, 19; IX, 5; X, 9, 30, 38; XI, 7 9—10, 21, 23 и др., но особенно XIV, 6—7: „никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня“.

мистическихъ воспріятій, но позволительно усумниться въ немъ. Прежде всего, никакъ нельзя объяснить, почему эти воспріятія переживаются столь небольшимъ числомъ людей, остальнымъ же они не только недоступны на дѣлѣ, но имъ даже крайне трудно понять изъ описаній мистиковъ, зъ чемъ именно состоятъ они. Ссылка на то, что условіемъ мистичности служитъ благочестіе, самоотверженная преданность Богу и т. п., не помогаетъ нисколько дѣлу: апостолы были очень благочестивы, однако проповѣдывали, что Бога не только никто изъ людей не видалъ, но и видѣть не можетъ. Почти то же самое написано и раньше не менѣе благочестивымъ авторомъ книги „Исходъ“ въ гл. XXXIII, 18—23... Библия часто говоритъ объ явленіяхъ Бога людямъ, но это всегда бываетъ въ видѣ какого-либо чувственнаго образа: трехъ странниковъ, пылающаго, но несгорающаго куста, раздающагося изъ облака голоса и т. п. О созерцаніи же прямо Самого Бога какимъ бы то ни было человѣкомъ, о непосредственномъ созерцаніи Его путемъ мистическаго воспріятія Библия упорно молчитъ. Значитъ, благочестіе само по себѣ здѣсь не причемъ. Также нельзя указывать и на разные психологическіе типы, ибо изученіе ихъ, даже такихъ исключительныхъ, какъ, напр., окрашивающихъ звуки, не указываетъ „ровно ничего, напоминающаго о тѣхъ особенностяхъ, которыя приходится приписать типу мистиковъ“. А въ то же время существуетъ одно широко распространенное переживаніе, которое легко принять подъ влияніемъ нѣкоторыхъ предвзятыхъ взглядовъ, именно пантеистическихъ, за мистическое воспріятіе. Это чувство присутствія Бога *предъ* нами, *среди* насъ, или чувство нашѣго нахождения предъ Богомъ. Наконецъ,—какъ много самообмана въ описываемомъ мистиками чувствѣ своего внутренняго единства съ Богомъ, лучше всего подтверждается словами мистиковъ, описывающихъ наисильнѣйшую степень переживанія мистическаго воспріятія, экстаза: мистикъ увѣряетъ, что во время экстаза, якобы погруженный въ Бога, не сознавалъ себя, своего „я“, а между тѣмъ съ увѣренностью говоритъ, что это было съ нимъ, а не съ кѣмъ другимъ. „Не ясно ли, что онъ намъ описалъ свои переживанія вовсе не въ томъ самомъ видѣ, какъ они происходили въ дѣйствительности, а въ томъ, какими имъ *слѣдовало бы быть* для фактическаго подтвержденія его предвзятыхъ пантеистическихъ взглядовъ,

и какими они *показались* ему подъ влияніемъ этихъ взглядовъ?" (стр. 287).

Всѣ эти возраженія проф. Введенскаго можно, думается мнѣ, суммировать въ такихъ трехъ пунктахъ: 1) мистицизмъ, какъ признаніе внутренняго созерцанія нами Самого Бога, явно отрицается евангельскимъ ученіемъ и вообще словомъ Божиимъ Ветхаго и Новаго Заветовъ; 2) весьма характеренъ тотъ фактъ, что такъ мало мистиковъ, да и мистическомъ можетъ быть лишь не умудренный критицизмомъ человекъ; и 3) нѣтъ твердыхъ данныхъ для того, чтобы отличить подлинно-божественное мистическое воепріятіе отъ искаженнаго—демоническаго и отъ мнимаго, лишь кажущагося таковымъ переживающему его человеку ¹⁾.

И вотъ, отвѣты на высказанныя недоумѣнія и сомнѣнія мы находимъ у великаго мистика Восточной Церкви, преп. Симеона Новаго Богослова (XI в.), который, оказывается, въ своихъ твореніяхъ какъ бы предвосхитилъ поставленныя проф. А. И. Введенскимъ и другими мыслителями подоб-

¹⁾ См. проф. *прот. П. Я. Свѣтловъ*. Курсъ апологетическаго богословія, Киевъ, 1905 г., стр. 116 и сл.: защита мистической теоріи происхожденія идеи Бога. „Согласіе мистической теоріи съ Библиею и съ христіанствомъ—говоритъ прот. Свѣтловъ,... составляетъ особенное и исключительное достоинство ея, преимущество ея передъ всѣми другими научно-философскими теоріями. Поэтому можно считать только недоразумѣніемъ возраженія противъ теоріи съ библейской точки зрѣнія, указаніе, напр., на ея противорѣчіе Библии, говорящей намъ о невозможности непосредственнаго знанія Бога, видѣнія Его, какъ: ев. Іоан. I, 18; I Іоан. 4, 12; I Тим. 6, 16 и др. под. Но теорію и не утверждаетъ возможность для насъ абсолютнаго, адекватно-точнаго познанія Божества, Его внутренняго существа и жизни: Богъ доступенъ намъ лишь *такъ* и въ *такой* мѣрѣ, какъ и въ какой мѣрѣ отражается въ нашемъ духѣ, *черезъ посредство* духа съ его чувствомъ и разумомъ, и мы видимъ здѣсь, какъ вездѣ, не самый предметъ, а его отраженіе, явленіе, обусловленное устройствомъ воспринимающаго духа и его познавательной дѣятельности; тѣмъ не менѣе—все же *видимъ*, хотя не вполне, какъ то утверждаетъ другими мѣстами Св. Писанія, которыхъ возражающіе не приводятъ, какъ-то: Мк. 5, 8; Исх. 33, 20, 23; Кор. 13, 12... Все это остается въ полной силѣ теорію (ср. А. И. Введенскаго „О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. С. Соловьева“—Вопросы филос. и психол., кн. 56, янв.-февр. 1901 г.). Достоинство и доказательство истинности мистической теоріи, дажѣ, заключаются въ ея согласіи со свѣдѣтельствомъ общаго религіознаго сознанія всѣхъ глубоко вѣрующихъ о близости къ намъ Божества и существованіи непосредственнаго реальнаго общенія между Нимъ и человекомъ“.

наго же направленія возраженія и даетъ на нихъ исчерпывающіе отвѣты не только на основаніи проникновеннаго знанія слова Божія, но и на основаніи глубокаго личнаго мистическаго опыта ¹⁾.

Изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что преп. Симеонъ понимаетъ мистицизмъ именно такъ, какъ понимаетъ его и проф. Введенскій, слѣд.—они стоятъ совершенно на одной почвѣ и говорятъ объ одномъ и томъ же.—Прежде чѣмъ подробно

¹⁾ Преп. *Симеонъ Новый Богословъ* родился въ 60-хъ годахъ X в. въ Паелаговиѣ, въ знатной семьѣ, съ раннихъ лѣтъ былъ отправленъ въ Константинополь, къ царскому двору, но скоро сдѣлался инокомъ Студійскаго монастыря, гдѣ руководителемъ его былъ старецъ Симеонъ Благоговѣйный; потомъ онъ былъ въ теченіе 25 лѣтъ игуменомъ монастыря св. Маманта въ Ко-лѣ, претерпѣлъ много гоненій за почитаніе своего старца и, въ добровольномъ изгнаніи изъ столицы, въ небольшомъ монастырѣ св. Марины подъ Коп-лемъ, мирно почилъ между 1036 и 1040 г., оставивъ послѣ себя много твореній и дѣлушко школу учениковъ и послѣдователей. Житіе его составлено его ученикомъ Никитою Стифатомъ и до сихъ поръ находится въ рукописи. Изъ его многочисленныхъ сочиненій (—слова, гимны, „богословскія главы“) большая часть тоже не издана, лишь малая часть издана по-гречески, а то извѣстны переводы: 1) изданный у Миня, Patr. Graeca, t. 120, латинскій переводъ довольно значительной части твореній преп. Симеона, сдѣланный еще въ XVII в. Понтаномъ, и 2) новогреческій переводъ Діонисія Зографъ, изданный въ Венеціи въ 1790 г. и содержащій житіе, слова, поученія и главы преп. Симеона на новогреческомъ яз. и гимны его въ ихъ первоначальной формѣ; 3) послѣдній переводъ послужилъ оригиналомъ для перевода твореній преп. Симеона на русскій яз. преосв. Теофаномъ Вышевскимъ Затворникомъ, см. Слова преп. Симеона Нов. Бог. 2 выпуска, изд. Афонск. Рус. монаст.; также 12 словъ преп. Симеона изданіе Оптиной пустыни и Добролюбіе на рус. яз., томъ V.—Преп. Симеонъ за высоту своихъ мистическихъ созерцаній и глубину своихъ твореній названъ Церковью „новымъ богословомъ“, и тѣмъ поставленъ въ одинъ рядъ съ ап. Іоанномъ и св. Григоріемъ Назіанзиномъ, какъ богословами—учителями христіанъ; даже западными протестантскими исследователями жизни и твореній пр. Симеона, мало способными цѣнить красоту всего истинно-церковнаго, преп. Симеонъ характеризуется, какъ „одинъ изъ величайшихъ мистиковъ“, какъ „самый замѣчательный мистикъ“ греческой восточной Церкви. См. о немъ: его житіе по-русски въ I т. его словъ, перевод. *еп. Теофаномъ*; *ар. Филаретъ*. Ист. ученіе объ отцахъ Церкви, т. III, изд. 1882 г., ст. 303 и сл.; *ар. Сергій*. Полный мѣсяцесловъ Востока, т. II, ч. 2, стр. 105 и др.; *К. Holl*. Enthusiasm und Bussgevalt beim griech. Mönchtum. 1898, и его же статья въ Realencyklop. *Hauack'a*, 1907, s. 215—219, *K. Krumbacher*. Gesch. der byzant. Litt. 1897, s. 152—154, статья *Ehrhard'a*; см. также *Павелъ Амвросіевъ*. Мистика преп. Симеона. Н. В., СПб. 1906 г.—

разсматривать даваемые преп. Симеономъ отвѣты, постараемся для большей ясности дальнѣйшаго изложенія кратко формулировать ихъ: 1) по ученію св. отца не только можно истинному христіанину—теперь же, въ этой жизни—арѣть духовными очами Бога, но безъ сознательнаго мистическаго опыта (пусть минимальнаго) нельзя спастись; и отрицать это.—значить отрицаться всего дѣла Христова; 2) духоносцевъ и зрителей тайныхъ Божіихъ, т. е. мистиковъ, мало потому, что люди страстны, маловѣрны и нерадивы, и, зная это, а также принципиальную возможность всякому христіанину „умно“ зрѣть Бога,—каждый осмотрительный христіанскій мыслитель долженъ быть сознательнымъ мистикомъ и посылнымъ трудникомъ на нивѣ христіанской мистики, наконецъ,—3) въ христіанствѣ есть точно установленные и твердо повѣренные методы и критеріи какъ для различенія истинной, божественной мистики, отъ ложной, діавольской, такъ и для установленія ошибокъ мистическаго опыта, для отличенія подлиннаго мистическаго воспріятія отъ лишь кажущагося и вообще отъ прочихъ съ симъ сходныхъ состояній духовнаго сознанія. Такое подлинное мистическое воспріятіе человѣкъ можетъ переживать, однако, лишь во Христѣ и чрезъ Христа—Богочеловѣка.

I. Въ первомъ пунктѣ слова 63-го (All. LI; ¹⁾ eth. 5), трактующемъ о тѣхъ „кои думаютъ, что имѣютъ Духа Святаго безъ всякаго совершенно сознанія и чувства дѣйствія Его, „не по опыту, а по вѣрѣ единой, мысленно, какъ слышали и научились отъ Божественнаго Писанія“,—и о тѣхъ, которые говорятъ, что „въ настоящія времена ни одинъ человѣкъ не можетъ узрѣть славы Святаго Духа“, преп. Симеонъ даетъ краткую формулировку главнѣйшихъ возраженій про-

¹⁾ Такъ мы указываемъ, какое мѣсто по порядку занимаетъ данное слово въ перечнѣ греческихъ заглавій словъ преп. Симеона (большою частью-неизданныхъ) у *Алліція*. (L. Allatius), см. *Migne, Patr. sup. comp. ser. graeca*, CXX, 290 C—300 A, и у *Фабриція* (I. Al. Fabricius), см. *I. Alb. Fabricii Bibliotheca Graeca, editio nova Harles*, Vol. XI, MDCCCVIII pag. 304—313. Тѣ же слова и гимны преп. Симеона, которые имѣются въ латинскомъ переводѣ Понтаца и которые полностью напечатаны у Миня, мы отмѣчаемъ точнымъ указаніемъ соответственнаго мѣста изъ мневскаго текста то же можемъ сказать и относительно „дѣятельныхъ и богословскихъ главъ“ преп. Симеона, греческій текстъ коихъ перепечатанъ у Миня въ *Филокалія τῶν ἱερῶν ὑμνῶν*, Venetius, 1782, Migne 603 A—688 A

тивъ возможности въ христіанствѣ мистическаго воспріятія, при чемъ разсматриваетъ основные тексты св. Писанія, на коихъ строить свою апологію. Онъ пишетъ: „ мы говоримъ (возражателямъ): Духа того, о коемъ вы говорите, что Онъ возженъ въ васъ и свѣтитъ свѣтомъ своимъ, видите ли вы ясно возженнымъ и свѣтящимъ въ душахъ вашихъ, какъ сему само собою слѣдуетъ быть? Но они не только не отвѣчаютъ на это, но тотчасъ измѣняютъ лицо свое и обращаютъ его въ другую сторону, какъ будто слышатъ какое богохульство, нестерпимое для нихъ. Потомъ, принявъ видъ болѣе кроткій, отвѣчаютъ, говоря: и кто же посмѣетъ сказать, что онъ видитъ, или когда либо видѣлъ Св. Духа? Перестанъ богохульствовать и не говори этого: ибо Писаніе Божественное говоритъ, что Бога никтоже видѣ нигдѣже (Іоанн. I, 18) ¹⁾.—О слѣпота и нечувствіе! Скажи мнѣ, человѣче, кто сказалъ это? Единородный, говоритъ, Сынъ Божій, сый въ

¹⁾ Ср. проф. *А. И. Введенскій*. *Философ. очерки*, I, стр. 66—67: ссылаясь на Іоанн. I, 18; I Іоанн. IV, 12; I Тимое. VI, 16; Исходъ XXXIII, 20 и 23, и на толкованіе послѣдняго мѣста Библии св. Григоріемъ Богословомъ, профессоръ приходитъ къ выводу, что „повидимому, христіанство мирится только съ медиумизмомъ (м. б. еще съ вѣрой въ ясновидѣніе и телепатію), но не съ мистицизмомъ въ узкомъ смыслѣ слова“, т. е. не съ признаніемъ мистическаго воспріятія; но св. *Іоаннъ Златоустъ* (XV бесѣда на еван. Іоанна, т. VIII рус. перевода, кн. 1-ая, СПб. 1902, стр. 96—102), толкуя Іоан. I, 18, говоритъ, что здѣсь лишь отрицается возможность для какой бы то ни было твари „имѣть точное созерцаніе и постиженіе самаго существа Божественнаго“: такъ знаетъ Отца только предвѣчно рожденный отъ Него Сынъ Единородный, „сый въ лонѣ Отца“; намъ же возможно видѣть Бога „умомъ и мыслию о Немъ“. Въ I Іоан. IV, 12 повторяются лишь первыя слова Іоан. I, 18; что касается I Тим. VI, 16, то здѣсь, по толкованію святоотеческому, собранному у *св. Теофана Затворника*, говорится лишь о „непостижимости Божескаго естества“, но „ангелы и люди могутъ, сколько вмѣстимо для нихъ, видѣть „явленіе, близкое и впечатлительное, Божескаго величія“, т. е. и этимъ мѣстомъ св. Писанія не устраняется возможность въ христіанствѣ мистическаго воспріятія (см. *св. Теофанъ*. Толкованіе пастырск. посланій св. ап. Павла, Москва, 1882 г., стр. 411). Наконецъ, св. *Григорій Богословъ* (Творенія на рус. яз., изд. М. Д. А., М. 1889, часть III, стр. 14—15), объясняя Исхода XXXIII 22—23, говоритъ, что человѣкъ не можетъ лишь „созерцать первое и чистое естество Божіе, познаваемое только Самимъ Богомъ“, но можетъ созерцать въ тваряхъ „отраженное величіе“ Божіе, слѣдовательно, прибавимъ отъ себя, можетъ, чрезъ посредство своего, сотвореннаго Богомъ, богоподобнаго духа, „умно видѣть“ *отображеніе* (напр. въ „несозданномъ свѣтѣ“) Бога,—само собою разумѣется, безконечно далеко отстоя „отъ совершеннаго Его постиженія“.

лонѣ Отчи, Той сказалъ сіе. Правду говоришь ты, и истинно есть свидѣтельство твое, но оно идетъ противъ тебя. Ибо если я докажу, что сей самый Сынъ Божій и Богъ—Слово говоритъ, что это возможно, то что имѣешь ты тогда сказать? Слушай же, что говоритъ Христосъ: видѣвый Мя видѣ Отца (Іоанн. XIV 9). И это сказалъ Онъ не тому, кто смотрѣлъ на тѣло Христово, но тому, кто созерцалъ Божество Его. Ибо если подумаемъ, что Христосъ Господь сказалъ это тому, кто смотрѣлъ на тѣло Его, то будетъ слѣдовать, что и распеніе Христа видѣли Отца, поелику видѣли Христа по тѣлу; и не будетъ послѣ сего никакого различія между вѣрнымъ и невѣрнымъ. . . всѣ увидѣли Бога. Но не такъ есть на дѣлѣ, не такъ, какъ сказалъ опять Христосъ (ср. Іоанн. VIII, 19). А что возможно намъ видѣть Бога, сколько видѣть Его доступно человѣкамъ, послушай, что говоритъ Самъ Христосъ: блаженіи чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ (Мѣ. V, 8). Что скажешь ты на это? Но я напередъ знаю, что ты скажешь. Скажешь: да, точно узрятъ Бога чистые сердцемъ, но не здѣсь, а въ будущемъ вѣкѣ. Поелику ты не вѣришь въ тѣ блага, какія подаетъ намъ Богъ въ настоящей жизни и не имѣешь ревностнаго желанія получить ихъ и себѣ, то и прибѣгаешь къ мысли о будущемъ вѣкѣ. . . Если Христосъ сказалъ, что при чистомъ сердцѣ узрѣмъ мы Бога, то всеконечно слѣдуетъ, что во всякое время, какъ только очиститъ кто сердце свое, узритъ онъ и Бога. . . Скажи мнѣ, возможно ли въ настоящей жизни сердцу стать чистымъ? Если возможно, то слѣдуетъ, что всякій чистый сердцемъ въ настоящей еще жизни узрѣваетъ Бога. Если же скажешь, что Бога узрѣваютъ только послѣ смерти, то долженъ сказать, что и чистота сердца бываетъ только послѣ смерти. Такимъ образомъ съ тобою можетъ случиться, что не узришь Бога ни въ нынѣшнемъ, ни въ будущемъ вѣкѣ. Ибо послѣ смерти не будешь уже ты имѣть возможности дѣлать благоугодныя дѣла, чтобы посредствомъ ихъ сдѣлать сердце свое чистымъ. Но и Господь намъ что говоритъ? Имѣяй заповѣди Моя и соблюдай ихъ, той есть любяй Мя. И Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ (Іоанн. XIV, 21). Когда общается сіе явленіе Христа Господа, въ нынѣшней жизни или въ будущей? Явно, что въ настоящей жизни. Ибо гдѣ со тщаніемъ исполняются заповѣди Божіи, тамъ бываетъ и явленіе Спасителя нашего Иисуса Христа. Послѣ сего явленія Спасителя при-

ходить и совершенная любовь. Ибо если не будетъ явленія Христа въ насъ, то мы не можемъ ни вѣровать въ Него, ни любить Его, какъ должно. Написано: не любяй брата своего, егоже видѣ, Бога, егоже не видѣ, како можетъ любить (I Іоан. IV, 20). Кто же не можетъ любить Бога, тотъ, конечно, не можетъ и вѣровать въ Него... и отъ прочихъ добродѣтелей не получить никакой пользы.. такъ что заблуждаются тѣ, которые „думаютъ, что любятъ Бога, не видѣвши Его“ (ср. сл. 87, II, 452)¹⁾.—О томъ, что можно и какъ можно узрѣвать Бога въ настоящей жизни, послушай опять божественнаго Павла, который говоритъ: видимъ нынѣ, якоже зеркаломъ въ гаданіи, тогда же лицомъ къ лицу: нынѣ разумѣю отчасти, тогда же познаю, якоже и познавъ быхъ (I Кор. XIII, 12). Но тѣ, какъ только услышатъ это, говорятъ: то былъ Павелъ. Я же говорю имъ на это: не былъ развѣ и Павелъ человѣкъ во всемъ намъ подобострастный? Тѣ опять отвѣчаютъ: о, прегордый и самонадѣянный человѣкъ! Кто когда являлся подобнымъ Павлу? И ты дерзаешь сравнивать съ Павломъ насъ грѣшныхъ!—Отвѣчая имъ на это, не я, а самъ же апостоль Павелъ велегласно взываетъ и говоритъ: Христосъ приде въ міръ,—слушайте! грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ (I Тим. I, 15). Итакъ, онъ первый изъ грѣшниковъ спасаемыхъ; стань ты вторымъ, стань третьимъ, стань четвертымъ, стань десятымъ, стань однимъ изъ тысячъ и мириадъ спасаемыхъ,—и сопричисливъ себя къ апостолу Павлу, и тѣмъ почтишь Павла, какъ самъ онъ говоритъ: подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу (I Кор. XI, I)...“ (II, 110—113)²⁾. Та-

¹⁾ Здѣсь обличается недостатокъ живой религіозности, живого религіозно-правственнаго опыта, способности къ духовно-правственному прозрѣнію или созерцанію, отсутствіе въ человѣкѣ истинной близости къ Богу, безъ коей не можетъ быть и истинной, цѣльной, нелицемѣрной любви къ ближнему, т. е. здѣсь обличается духовная раздвоенность въ человѣкѣ; ср. проф. Н. И. Сагарда. 1-ое соборное посланіе ап. Іоаня Богослова. Полтава. 1903 г., стр. 586—588, истолкованіе IV, 20.

²⁾ См. Слова преп. Симеона Новаго Богослова. Въ переводѣ на рус. яз. съ новогреческаго еп. Теофраста. Изд. 2-ое Афонск. Пант. мон. Москва 1890 г., вып. 1-ый и 2-ой, а также „Преп. отца нашего Симеона Новаго Богослова 12 словъ въ рус. переводѣ съ еллино-греческаго“, изд. Козельской-Введенской Оптиной пустыни, Москва 1869. Первое изданіе цитируемъ постоянно, какъ основное пособие,—съ указаніемъ выпуска и страницъ, а второе такъ же—лишь въ потребныхъ случаяхъ, обозначая его „Оптинск. изд.“.

кимъ образомъ, въ приведенной тирадѣ преп. Симеонъ указываетъ всѣ три главнѣйшія возраженія противъ возможности въ христіанствѣ мистическаго воспріятія именно: 1) по ясному якобы смыслу Христова ученія нельзя человѣку зрѣть Бога; 2) по крайней мѣрѣ, невозможно это человѣку теперь, въ настоящей жизни, пока онъ въ тѣлѣ, и, если будетъ доступно то лишь послѣ смерти, въ будущемъ вѣкѣ; 3) наконецъ, какъ послѣдняя уступка защитникамъ мистики: разъ можно узрѣвать Бога и въ настоящей жизни человѣка, то лишь для особо избранныхъ святыхъ людей, но не для обдѣлованнаго, рядового, вѣрующаго христіанина. Разсмотримъ теперь эти положенія каждое въ отдѣльности.

1. Для устранения перваго возраженія преп. Симеонъ, кромѣ указанія на приведенные тексты, въ особенности на Мѡ. V, 8 и Иоан. XIV, 21, и на слова Христа: Азъ есмь свѣтъ міру (Иоан. VIII, 12)¹⁾, опирается еще на такія соображенія: думать и говорить такъ, какъ думаютъ и говорятъ противники мистики, это значить отрицать все евангеліе, извращать самую сущность христіанства, почитать дѣло Христа неудавшимся, наконецъ—сомнѣваться въ правдивости и истинности Самого Христа. Дѣйствительно: „тѣ, которые почитаютъ невозможнымъ въ нынѣшнія времена соблюсти заповѣди евангелія, быть вѣрнымъ и дѣятельнымъ, а потомъ быть созерцательнымъ или богозрителемъ, т. е. зрѣть Бога въ Троицѣ,—говоритъ св. отецъ—суть еретики и имѣютъ не одну какую-либо частную ересь, но, можно сказать, всѣ ереси, поскольку эта ересь нечестіемъ и богохуленіемъ своимъ превосходитъ и затмеваетъ всѣ другія, и кто говоритъ такъ, низвращаетъ всѣ Божественныя Писанія. Мнѣ кажется, что такой тщеславникъ говоритъ: тщетно нынѣ возглашается святое евангеліе, тщетно читаются, или даже тщетно написаны творенія св. отцевъ нашихъ... Не очевидно ли, что говорящіе такъ заключаютъ небо, которое отверзъ для насъ Христосъ Господь схожденіемъ Своимъ на землю, и преграждаютъ восхожденіе на небеса, которое обновилъ для насъ тотъ же Христосъ Господь...“ (I, сл. 47, 428, Mg. 30 orat., 473 AB.)²⁾.

¹⁾ I, сл. 35, 300—301 (All. LXVIII, eth. 12) и Migne, op. 28, 461 A—462 A, Опт. изд. стр. 61—63.

²⁾ Ср. *Karl. Holl. Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum. Leipzig, 1898, ss. 46—47.*

„Кто говоритъ, что теперь нѣтъ людей, которые бы любили Бога и сподоблялись пріять Духа Святаго и креститься отъ Него, т. е. возродиться благодатию Святаго Духа и содѣлаться сынами Божиими, съ сознаниемъ, опытнымъ вкушеніемъ и узрѣніемъ,—тотъ низвращаетъ все воплощенное домостроительство Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и явно отвергаетъ обновленіе образа Божіея...“ (II, сл. 64, стр. 127, All. XXXII).—„Если праведные не бываютъ причастны вѣчныхъ благъ и не получаютъ благодати Божіей еще здѣсь, еще въ настоящей находясь жизни, то Христосъ только пророкъ есть, а не Богъ, и все, о чемъ говоритъ евангеліе, не есть даръ благодати, а пророчество о будущихъ дарованіяхъ... и вѣра наша—одни слова, коимъ нѣтъ соотвѣтствующаго дѣла... Если свѣтъ міра есть Христосъ и Богъ, а мы вѣровать будемъ, что ни одинъ человѣкъ никогда не видѣлъ Его, то кто другой будетъ болѣе невѣрующъ, чѣмъ мы? Если Христосъ есть свѣтъ, а мы говоримъ, что не чувствуемъ Его, когда облакаемся въ Него, то чѣмъ будемъ отличаться мы отъ мертвыхъ?...“ (сл. 57, II, 55; All. LVI, eth. 10)¹⁾.—„Владыка Христосъ говоритъ: кто Меня возлюбитъ и заповѣди Моя соблюдетъ, того и Я возлюблю и явлюся ему Самъ. Если теперь Христосъ есть истина, какъ Самъ Онъ сказалъ: Азъ есмь истина (Иоан. XIV, 6); а истинѣ невозможно солгать, какъ говоритъ апостолъ: невозможно солгати Богу (Евр. VI, 18); то пусть никто изъ тѣхъ, которые не видятъ Господа, не говоритъ, что невозможно Его видѣть; тогда какъ это не только не невозможно, но и очень легко“ (сл. 35, I, 300).—„...Неложень Христосъ, Который грѣха не сотворилъ и въ устахъ Котораго не обрѣтется ложь. Почему, если Христосъ говоритъ, что дастъ Духа вѣрующимъ въ Него, то никакого нѣтъ сомнѣнія, что не имѣющіе Духа не суть вѣрующіе въ Него отъ чистаго сердца. Если же кто станетъ говорить, что каждый изъ насъ вѣрующихъ получилъ и имѣетъ Духа, хотя не сознаетъ и не чувствуетъ того, таковой богохульствуетъ, такъ какъ представляетъ лживымъ Христа...“ (сл. 57, II, 46—47). Но особенно ярко преп. Симеонъ подчеркиваетъ возможность и

¹⁾ Выше мы уже упоминали eth. 5, и здѣсь eth. 10: о цѣломъ отдѣлѣ (именно 15) словъ преп. Симеона, озаглавленномъ „этическія слова“—*ἠθικά*, см. у *Holl*'я, op. cit., s. s. 31—32.

даже необходимость для истиннаго христианина именно *сознательнаго* мистическаго опыта въ слѣдующей цитатѣ изъ 63-го слова... „какъ мы многократно говорили, истинные христиане сознательно причастны бываютъ благодати Всесвятаго Духа, хотя только отчасти, пока еще суть въ тѣлѣ, съ вѣрною однакожь надеждою, что по смерти вполне насладятся и преизобильно вкусятъ, и душею и тѣломъ, всѣ эти блага, которыхъ здѣсь причащаются только отчасти. Если, какъ *учитъ насъ Самъ Христосъ*, мы вкушаемъ Христа, діемъ Его, облакаемся въ Него, видимъ Его и видимы бываемъ отъ Него,—если Онъ пребываетъ въ насъ, и мы въ Немъ, такъ что Христосъ бываетъ обитателемъ въ насъ, а мы въ Немъ, мы бываемъ обителью для Христа, и Онъ—для насъ, если мы сыны Его, и Онъ отецъ нашъ, если Онъ свѣтъ, сіяющій во тьмѣ, и мы видимъ Его, по слову евангелія: *люди сѣдѣящи во тьмѣ видѣша свѣтъ велий* (Мѣ. IV, 16),—если, говорю, все сіе, какъ *учитъ насъ Божественное Писаніе*, бываетъ въ насъ въ настоящей жизни; то, если, какъ говорятъ, этого не бываетъ въ насъ въ жизни сей, или бываетъ таинственно, безъ того, что бы мы чувствовали то и сознавали,—чѣмъ разнимся мы отъ мертвыхъ?—*Перечитайте все Писаніе со вниманіемъ и удостовѣрьтесь, что еще въ настоящей жизни дается намъ, сознательно для насъ, печать Святаго Духа...*“ (II, 123—124). Слѣд., по ученію преп. Симеона,—нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Самъ Христосъ и все Писаніе христианское ясно признаютъ возможность для чловѣка, сколько сіе доступно ему, зрѣть Бога ¹⁾).

Но какъ же согласовать это съ ученіемъ о непостижимости Божества? Преп. Симеонъ отвѣчаетъ на это недоумѣніе глубокомысленнымъ богословскимъ разсужденіемъ, разъясняя собственно 1 Тим. VI, 16. „Божественная природа, говоритъ онъ, несотворенна и вышесущественна есть, такъ какъ превосходить сущность всѣхъ сотворенныхъ вещей. Называется вышесущественной, *ὑπερούσιος*, и однако есть существенна, *ἐνοσίχθως*, она есть сущность выше всякой сущности (*ἐννοήσαστος super omnem essentiam*), и мыслится, что она никоимъ образомъ не можетъ быть сравниваема съ тварной сущностью, ибо по природѣ своей она безгранична. „Но

¹⁾ „...кто же не зрѣлъ Твоего свѣта, а утверждаетъ, что зрѣть, или говорить, что это невозможно,—отрицаетъ всѣ пророческія и апостольскія писанія и Твое дѣло, Иисусе...“ (divin. amog., Mg. 583 BC.).

какъ же ты неограничиваемое назовешь сущностью? Вѣдь то, что не пребываетъ, есть ничто, какъ же оно обладаетъ свойствомъ сообщаться?“—Если не вѣришь, приведу въ свѣдѣтели Павла. Когда онъ говоритъ, что имѣетъ внутри себя Христа говорящаго и что глаголетъ во Св. Духѣ, то представляетъ божественную сущность общительной и ограниченной; однако для него она, съ другой стороны, неограниченна и непостижима: ибо, говоря о Живущемъ во свѣтѣ неприступномъ, свидѣтельствуешь, что никогда Его не видѣлъ чловѣкъ (см. 1 Тим. VI, 16) ¹⁾.—И какъ, если Его никто изъ людей не видѣлъ, можно къ Нему пріобщиться или Его достигнуть?“—Не говори такъ и не спорь со мною. Когда апостоль сказалъ тебѣ: „Богъ, повелѣвшій отъ тьмы возсіять свѣту, озарилъ наши сердца“ (2, Кор. IV, 6),—то о какомъ Богѣ сказалъ онъ это, какъ не о Томъ же, Который живетъ въ неприступномъ свѣтѣ, и Котораго никто никогда изъ людей не видѣлъ? Ибо Самъ Богъ—вышесущественный и исперва несотворенный, принялъ плоть, и зримъ мнѣ, какъ сотворенный, всего меня воспринятаго удивительно обожествляя. Вѣришь ли сему и не сомнѣваешься ли?—Итакъ, Богъ сдѣлался чловѣкомъ, и меня чловѣка, Имъ воспринятаго, обожествилъ, такъ что я—богъ по усыновленію—зрю Бога по природѣ, Того, Котораго никто изъ смертныхъ никогда не могъ видѣть и никакъ иначе не можетъ. Получившіе же Бога дѣлами вѣры и, какъ возрожденные въ Духѣ, названные богами,—Самого Того Отца зрятъ, живущаго въ неприступномъ свѣтѣ: ибо они имѣютъ Его обитающимъ въ нихъ самихъ, и сами, равнымъ образомъ, обитаютъ въ Неприступномъ. Это—истинная вѣра, дѣло Божіе, печать христианъ...“ (divin. amog. 37 cap., Migne 592 B—593 A).

2. Выставляя противъ втораго изъ указанныхъ возраженій положеніе: „чловѣку можно зрѣть Бога чистымъ окомъ именно теперь, въ настоящей его жизни, а не только послѣ смерти“, преп. Симеонъ въ качествѣ доказательства указываетъ на два факта—на неложныя свидѣтельства апостоловъ и святыхъ, какъ древнихъ, такъ и современныхъ, и на до-

¹⁾ Если примемъ во вниманіе, что въ 22 гл. divin. amog. Mg. 558 B—559 C разъясняется текстъ 1 Юан. IV, 12 (558 C), то окажется, что преп. Симеонъ даетъ разъясненія на всѣ тексты Н. З., указываемые проф. А. И. Введенскимъ, см. выше и Философ. Очерки I, стр. 66—67.

ступность личного мистического опыта и нынѣ каждому чело-
вѣку, который искренно того пожелаетъ и будетъ само-
отверженно къ сему стремиться. „Что такіе люди, которые
сподобились видѣть Бога, предстоять Ему и бесѣдовать съ
Нимъ, и содѣлались общниками и сопричастниками божества
Его и славы, были и бываютъ доселѣ, не говоря послѣ
смерти, но и въ настоящей еще жизни, въ этомъ удостовѣ-
ряетъ все Божественное Писаніе, о семъ свидѣтельствуютъ
всѣ святые, подтверждая то собственною жизнью, и въ числѣ
ихъ и блаженный Симеонъ Студитъ, коего память совершаемъ
нынѣ“¹⁾, пишетъ преп. Симеонъ въ началѣ 55 сл. (Ап. X,
II, 17). Лишь на основаніи несомнѣннаго и подлиннаго мн-
стического опыта могли они говорить и писать о духовной
жизни такъ, какъ они говорили и писали: „то, что содержится
въ словахъ ихъ, не должно быть называемо мыслями (*νοήματα*),
а созерцаніемъ истинно-сущаго, ибо они говорятъ о томъ по
созерцанію. Почему и сказываемое должно быть именуемо
паче повѣствованіемъ о созерцаемомъ, а не помышленіемъ
(*νόημα*). Помышленіемъ должно называть думаніе, рождаемое
въ умѣ по поводу какого-либо желанія или дѣла, еще не
сдѣланнаго“. „Слова же наши,—продолжаетъ преп. Симеонъ,
не о несущемъ и неавыгненномъ говорятъ, но о томъ, что уже
состоялось, и отъ видѣнія и созерцанія сего заимствуется
сказаніе, какое мы дѣлаемъ о томъ; подобно тому, какъ когда
кто хочетъ, напримѣръ, рассказывать о домѣ какомъ, или о
полѣ, или о царскомъ дворцѣ, или о зрѣлищѣ, надо напередъ
видѣть и хорошо разсмотрѣть все такое, и потомъ уже съ
знаніемъ дѣла рассказывать о томъ. Кто можетъ сказать что
самъ отъ себя о какомъ-либо предметѣ, котораго прежде не
видѣлъ? И откуда ему взять сказать что-либо о томъ, чего
совсѣмъ не видѣлъ?—Да и всеконечно есть безсмысліе и
невѣжество говорить о томъ, чего не видѣлъ и не знаешь.
Если, такимъ образомъ, о видимомъ и земномъ никто не мо-
жетъ сказать что-либо вѣрное, не видѣвъ того своими гла-
зами, то какъ можно сказывать и извѣщать что-либо о Богѣ,
о божественныхъ вещахъ и о святыхъ Божіихъ, т. е. какого
общенія съ Богомъ сподобляются святые и что это за вѣ-

¹⁾ Ср. „И нынѣ есть и среди насъ возвращаются люди безстрастные,
святые и исполненные божественнаго свѣта“ и т. д.; глава 118, II, 545.
ср. Mg. 106 сар., 661—662 А.

дѣніе Бога, которое бываетъ внутри ихъ и которое произво-
дитъ въ сердцахъ ихъ неизъяснимыя воздѣйствія, — какъ
можно сказать о семъ что-либо тому, кто не просвѣщенъ на-
передъ свѣтомъ вѣдѣнія? Какъ тотъ, кто рассказываетъ дру-
гимъ о какой-либо странѣ или какомъ-либо чело-вѣкѣ, раз-
сказываетъ то, что видѣлъ и что знаетъ, а тѣ, которые слу-
шаютъ его, не могутъ ни о одному слуху познать того чело-
вѣка или ту страну такъ, какъ знаетъ ихъ видѣвшій и раз-
сказывающій: такъ и о небесномъ Іерусалимѣ, о Богѣ, не-
видимо въ немъ обитающемъ, о пресвѣтлѣй славѣ лица Его,
о дѣйствіи и силѣ Святаго Духа, т. е. свѣта, никто ничего
не можетъ сказать вѣрнаго, если не увидитъ напередъ ум-
ными очами души своей сего свѣта и не познаетъ точно
осіянія и дѣйствія его внутри себя самого“... (сл. 63, II,
114—116). Такъ, „о всемъ, чего не видимъ мы, пророки и
апостолы написали, видѣвши то отъ просвѣщенія Духомъ
Святымъ. Духъ Святой, когда пришелъ, научилъ ихъ, и Онъ
пребываетъ и обитаетъ во святыхъ въ вѣкъ вѣка, ибо Господь
нашъ, говоря: да будетъ съ вами въ вѣкъ (Іоан. XIV, 16), по-
казываетъ, что Духъ Святой всегда, непрестанно и нескон-
чаемо, есть и будетъ съ нимъ неразлучно и въ настоящей
жизни, и въ будущей. А что Духа Святаго видѣли божествен-
ные апостолы и всѣ другіе, сподобившіеся пріять Его, по-
слушай, что вслѣдъ за приведенными словами говоритъ Хри-
стосъ: Духъ истины, Его же міръ не можетъ пріяти, яко не
видитъ Его, ниже знаетъ Его: вы же знаете Его, яко въ васъ
пребываетъ и въ васъ будетъ (Іоан. XIV, 17)... А что и Христа
видятъ тѣ, которые любятъ Его и заповѣди Его соблюдаютъ,
послушай о семъ опять Самого Христа, Который говоритъ:
имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя:
а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азъ воз-
люблю Его и явлюся ему Самъ (Іоан. XIV, 21)“... (II, 120—121).
„И какъ апостолы и отцы древніе достойны всякой вѣры,
ибо они имѣли умъ Христовъ (1 Кор., II, 16), и въ нихъ пре-
бывалъ Духъ Божій (I Иоан. III, 24 и I Кор. VII, 40), то и ска-
занное ими признается вѣрнымъ и удобопріемлется... Если
же скажешь, говоритъ св. отецъ возражателю, что такъ было
тогда, но въ настоящее время нѣтъ такого чело-вѣка, который бы
такъ одаренъ былъ, то скажи мнѣ, прошу, почему нынѣ нѣтъ
такого? Полагаю, говоришь ты, что какъ вообще никогда не-
возможно быть такимъ чело-вѣкомъ тому, кто сего не хочетъ,

такъ въ нынѣшнія времена невозможно быть такимъ, даже и тому, кто хочетъ сего. Но если ты такъ думаешь, что нынѣ невозможно быть такимъ даже и тому, кто сего хочетъ, то гдѣ же ты положишь то, что говоритъ евангелистъ Иоаннъ въ св. евангеліи: елицы же пріяша Еро, даде имъ область чадами Божиими быти (Ин. I, 12), и сіе: святы будите якоже Авъ святы есмь (1 Петр. I, 16). Но посмотри-ка: говоря, что тому, кто не хочетъ, невозможно быть такимъ, — ты вѣдь самъ себя обличаешь, что не хочешь и не произволяешь быть имъ; ибо если захочешь быть имъ, можешь“ (сл. 89, Ал, XXXIV, II, 475—476). Такъ преп. Симеонъ приходитъ къ признанію важнаго значенія для разсматриваемаго положенія личнаго мистическаго опыта и говоритъ, конечно, о своемъ собственномъ духовномъ опытѣ, который, по его ученію, прежде всего необходимъ для того, чтобы понять свидѣтельства другихъ духоносцевъ: вѣдь, „когда приходитъ человѣкъ въ большую мѣру совершенства и наиболѣе приближается къ Богу, тогда изъ того, что совершаетъ въ немъ Богъ, познаетъ онъ и то, что совершалъ Онъ и во всѣхъ прежнихъ святыхъ и что имѣетъ совершать въ послѣдующихъ“... (сл. 63, II, 118; ср. и II, 116—117). Свой опытъ преп. Симеонъ считаетъ тождественнымъ съ опытомъ апостоловъ и древнихъ отцовъ и сознаетъ великую нравственную отвѣтственность за ложное показаніе въ столь важномъ дѣлѣ... „какъ же, прибавить другой, никто изъ великихъ отцовъ не поворилъ такъ явно о себѣ и такими словами, какъ ты говоришь? Ошибаешься, человѣче; и апостолы, и отцы древніе говорили сходно и подобно моимъ словамъ, и еще выше“ (сл. 89, II, 474—475). „...Я, поворящій сіе, пишу тебѣ тотъ же св. отецъ, слуга есмь и говорю вамъ словеса Божіи, проявляю даръ ученія, данный мнѣ, и открываю вамъ сокровенныя тайны Божіи силою сего дара, полученнаго мною чрезъ возложеніе рукъ архіерея, рукоположившаго меня во іерея... Если же я говорю ложь, то куда убѣгу отъ страшнаго суда Божіа, по коему въ пагубу посылаются глаголющіе ложь, какъ говоритъ Давидъ (Пс. V, 7). Ибо какъ невѣрующій тому, кто говоритъ Духомъ, сопрѣшаетъ и проявляетъ хулу на Духа Святаго, Который говоритъ чрезъ него, такъ опять и лишенный благодати Духа, если дерзнетъ сказать: я говорю благодатию Святаго Духа, есть богоборецъ и противникъ Божій, какъ, напримѣръ, Симонъ-магъ“... (ibidem, 473—474). Въ силу

личнаго мистическаго опыта человекъ получаетъ 1) ничѣмъ не поколебимую увѣренность въ возможности нынѣ же, на сей землѣ, быть „богозрителемъ“ и 2) истинно апостольское дерзновеніе въ исповѣданіи этой увѣренности: „есть-ли кто и нынѣ имѣющій глаголющаго въ себѣ Христа, да возмужаетъ добръ изъяснить тайства (mysteria), сокровенныя внутрь словесъ Его? Ибо, говоритъ апостолъ, премудрость глаголемъ не вѣка сего престающую, но премудрость въ тайнѣ сокровенную (1 Кор. II, 6—7) отъ многихъ, намъ же щедро открываемую и уразумѣваемую добръ водными страхомъ Божіимъ и всегда къ Нему взирающими. Ибо мы не то, чего не знаемъ, говоримъ, но что знаемъ, о томъ свидѣствуемъ. Свѣтъ уже во тьмѣ свѣтитъ, и въ ношѣ и во дни, и въ сердцахъ нашихъ, и въ умѣ нашемъ, и осіяваетъ насъ немерчене, непреложно, неизмѣнно, неприкрасно, — глаголетъ, дѣйствуетъ, живеть, животворитъ, и дѣлаетъ свѣтомъ тѣхъ, которые осіяются Имъ. Богъ свѣтъ есть, и тѣ, которые слѣдуются узрѣть Его, всё видятъ Его, какъ свѣтъ, и тѣ, которые пріяли Его, пріяли, какъ свѣтъ“... (сл. 79, II, 318; ср. Mg, 20 orat., 408 BC). „Я же, пишу тебѣ преп. Симеонъ, съ дерзновеніемъ возглашаю, что если я не мудрствую и не говорю, что говорятъ и мудрствуютъ апостолы и св. отцы, если не повторю только Божіихъ словесъ, сказанныхъ во св. евангеліи, если... не показываю, что свѣтъ благодати сияетъ и въ нынѣшнія времена, доказывая все сіе и подтверждая изъ Божественнаго Писанія: да будетъ на мнѣ анаѣма отъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа чрезъ Духа Святаго, какъ на чловѣкѣ, учащемъ инаково отъ того, чему учили божественныя апостолы, — и вы не заткните только уши свои, чтобы не слышать словъ моихъ, но побейте меня камнями и убейте, какъ нечестиваго и безбожнаго. Если же я зацѣпцаю и возстановляю Господніе и апостольскіе догматы, которые развращать и растлиять покушаются нѣкоторые эпомудрствующіе, и, выбирая изъ Божественныхъ Писаній такія слова, которыя сильны исправити и утвердити въ истинѣ умъ таковыхъ и тѣхъ, кои вѣрятъ имъ, внушая имъ, чтобы они не думали, что только въ одной будущей жизни имѣютъ получить все блага о Христѣ, какъ-то: воскресеніе, нетлѣніе, жизнь новую, Царство Небесное и самыя вѣчныя блага, — учу ихъ, что еще отсѣлъ, отъ настоящей жизни, блага онныя даются, какъ залогъ, избраннымъ и тѣмъ, кои ревнуютъ быть спасенными,

и что они открываются, явны бывают и видимы въ нихъ еще адѣсь, и при этомъ доказываю имъ и утверждаю ихъ въ томъ убѣжденіи, что въ окончательной полнотѣ блага сіи даются избраннымъ послѣ смерти и общаго воскресенія: то за это всѣ вообще долгъ имѣють принимать меня и любить, какъ человека, показывающаго имъ дѣло совершенной любви“ (сл. 89, II, 477—478). Въ словѣ же 90-мъ (Ап. XXXV) преп. Симеонъ со умилениемъ повѣтствуетъ, какъ самъ онъ, благодаря личному мистическому опыту, преобѣдиль въ себѣ сомнѣніе въ возможности нынѣ же быть богозрителемъ... „Откуда было узнать мнѣ, Владыко, что Ты, невидимый и не-вѣстимый, видимъ бываешь и вѣщаешься въ насъ?.. Слыша, что зывалъ и говорилъ апостоль твой Павелъ: „ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его“ (1 Кор. II, 9), я думалъ, что въ созерцаніе такихъ благъ невозможно придти человеку, находящемуся еще въ тѣлѣ, и заключилъ, что Ты ему только показалъ ихъ, по особенной къ нему милости,—не зная, бѣднѣй, что это дается отъ Тебя всѣмъ, любящимъ Тебя. И откуда и какъ могъ я знать, что всякій вѣрующій въ Тебя бываетъ членомъ Твоимъ и сияетъ Божествомъ, по благодати Твоей? И кто бы повѣрилъ сему, и сталъ блаженнымъ, не сдѣлавшись воистину блаженнымъ членомъ Тебя, благоданнаго Бога?.. Слыша же, какъ это говорили продовѣдники Твои, я думалъ, что и это будетъ лишь въ будущемъ вѣкѣ и послѣ общаго воскресенія; но не зналъ, что все сіе бываетъ и теперь для насъ, крайнюю въ томъ имѣющихъ нужду... Я искалъ только отпущенія грѣховъ, и желалъ... найти какого-либо посредника и ходатая, чтобы чрезъ посредство его... получить прощенье многихъ моихъ грѣховъ, хотя въ будущемъ... И ты, человеколюбче Царю, возсіялъ свѣтъ Твой святой во мнѣ, сдѣвшаемъ во тьмѣ міра сего и среди столькихъ золь, и показалъ мнѣ единого отъ святыхъ Твоихъ..., святаго Твоего Симеона (Студита),... и даровалъ мнѣ, Владыко, молитвами святаго сего, не только прощенье безчисленныхъ грѣховъ моихъ, но и всѣ блага, о коихъ я сказалъ выше, или, лучше сказать, Ты Самъ содѣлался для меня всѣмъ:.. вдругъ (о чудо!) Того, Кого я воображалъ сущимъ на небѣ, узрѣлъ внутри себя,—Тебя, говорю, Творца моего и Царя, Христа... Я и видѣлъ Тебя, Бога моего, но какъ не зналъ и не вѣрилъ, что Богъ является человеку, поколику

возможно Ему явленнымъ быть ему, не понималъ, что Богъ, или слава Божія есть то, что мнѣ являлось, иногда однимъ, иногда другимъ образомъ... Я все еще не зналъ ясно, кто есть Тотъ, Кто являлся... Наконецъ Ты, неизреченный, невидимый, неосязаемый, приснодвижный, вездѣ, всегда и во всемъ присутій и все исполняющій, видимый и скрывающійся каждый часъ... мало-по-малу прогналъ бывшую во мнѣ тьму, разсѣялъ покрывавшій меня облакъ, очистилъ зеницу умныхъ очей моихъ, открылъ душевный слухъ мой, снялъ покрывало нечувствія съ сердца моего... Сдѣлавъ меня таковымъ, Ты очистилъ отъ всякаго облака небо мое, т. е. душу очищенную, въ которую приходи невидимо, не знаю, какимъ образомъ и откуда, Ты—вездѣсущій, внезапно обрѣтаешься въ ней и являешься, какъ другое солнце. О неизреченное снисхожденіе!—Вотъ, братія мои, дивности Божіи, которыя творитъ Онъ въ насъ“!.. (II, 483—488, *passim*).

3. Какъ положеніе о томъ, что человеку, сколько то ему доступно, можно зрѣть Бога, пытаются смягчить оговоркой— „только послѣ смерти, въ будущей жизни“, такъ и утвержденіе о доступности человеку богозрѣнія именно въ этой жизни стараются ограничить, какъ мы уже видѣли, лишь кругомъ святыхъ, особо избранныхъ людей. На это преп. Симеонъ возражаетъ слѣдующее: „если кто думаетъ, что такое совершенство, именно „знать чувствомъ и опытомъ душевнымъ, что въ Богѣ пребываешь и Богъ въ тебѣ, что имѣешь въ себѣ вѣчную жизнь“,—прилично только апостоламъ и древнимъ святымъ, и говорить, что мы, сколько бы ни подвизались, не можемъ уподобиться древнимъ святымъ, и надежды даже не имѣемъ сдѣлаться подобными имъ; то кто изъ знающихъ Бога и сострадающихъ братіямъ своимъ не восплачетъ о такомъ отъ всей души своей? Ибо если Богъ велегласно зываетъ: „святіи будите, якоже Азъ святъ есмь“ (1 Петр. I, 16), и въ другомъ мѣстѣ: подобны будьте Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ (ср. Мѣ. V, 48) и Павелъ: подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу (1 Кор. IV, 16),—а этотъ противныя сему пишетъ законоположенія, то навѣрнѣйше онъ явный есть антихристъ и богоборецъ. Ибо говорить, что иные были тѣ, и иные мы,—инате тѣхъ любилъ Богъ, сподобившій ихъ великихъ даровъ Св. Духа, и иначе относится Онъ къ намъ, насъ, говоритъ, Онъ едва милуетъ, прощаетъ только намъ грѣхи наши и спасаетъ насъ, если

покаемся, понесемъ какія-либо произвольныя лишенія и поплачемъ; быть же намъ какъ апостолы или какъ древніе святые никакъ невозможно. И тѣхъ, которые почитаютъ сіе возможнымъ, называетъ онъ гордыми и хульниками, которые, говоритъ, не надо совсѣмъ слушать, — и повелѣваетъ бѣгать отъ нихъ. Какое дагубное заблужденіе, чтобы не сказать, какое нечувствіе и невѣріе!“ (сл. 87. All. LXVI, II, 451—452). Въ другомъ словѣ—47-мъ, спеціально трактующемъ о томъ, „что не слѣдуетъ никому говорить, что въ нынѣшнее время невозможно всякому, кто захочетъ, войти на верхъ добродѣтели и подражать древнимъ святымъ“ (I, 424—433, Mg. 30 orat. 470 B—476 C), преп. Симеонъ, касаясь дара слезъ, имѣющаго по его ученію столь важное значеніе въ стяжаніи мистическаго опыта, говоритъ: „скажи же мнѣ человекъ, почему невозможно каждодневно плакать? А святые чѣмъ другимъ просіяли въ мірѣ и сдѣлались свѣтилами для него? Если бы это невозможно, то и они не могли бы это справиться, потому что и они были люди, какъ и мы, и ничего особеннаго предъ нами не имѣли, кромѣ добраго произволенія и ревности о всякомъ добрѣ, терпѣнія, смиренія и любви къ Богу. Такъ скажи себѣ это и ты, и душа твоя, вмѣсто окаменѣлой и ожесточенной, сдѣлается источникомъ слезъ; если же не хочешь сокрушаться и вздыхать, то не говори до крайней мѣры, что это дѣло невозможное“ (I, 429—Mg. 30 or. 474 AB).—При этомъ преп. отецъ высказываетъ мысль, что теперь даже удобнѣе и легче спастись и вѣровать, чѣмъ во времена апостоловъ, которые сподобились видѣть Христа Господа тѣлесными очами, и во времена святыхъ отцовъ: „совсѣмъ неравно нынѣшнее тогдашнему, но и несравненно больше того, и удобнѣе приводятъ насъ къ совершеннѣйшей вѣрѣ, нежели тогда, какъ видѣли Господа тѣлесно и слышали слово Его. Ибо тогда Господь нашъ явился человекомъ простымъ, смиреннымъ и униженнымъ, какимъ и признавали Его неблагодарные иудеи... а теперь Онъ проповѣдуется намъ Богомъ истиннымъ“ (I, 424—425—Mg. 30 or. 470 CD); а что касается времени святоотеческихъ, то мы „находимся въ болѣе безопасной пристани, чѣмъ святые отцы. Тогда было много ересей, много лжехристовъ, много христорговцевъ, много лжеапостоловъ... которые, шатались по градамъ и весямъ, смѣло сѣяли плевелы лукаваго діавола... а теперь, хотя не

мало еретиковъ, волковъ, аспидовъ и змій, вращающихся среди насъ, но они не имѣютъ власти явно нападать на насъ, а скрываются во мракѣ злобы и лукавства своего“... (I, 426—427, Mg. 30 or. 471 B—472 B).—Слѣдов., насъ не должна смущать маловѣрная боязнь уподобиться святымъ, разъ мы имѣемъ твердую вѣру въ Христа Спасителя, полагаемся на Него и на дарованную Имъ всеильную благодать: „если случится имъ (противникамъ мистики)—писатьъ преп. Симеонъ—услышать о комъ-либо, что онъ удостоился увидѣть свѣтъ Божій и Самого Бога во свѣтѣ славы и разумно позналъ въ себѣ присутствіе и дѣйствіе Духа Святаго и сталъ одѣянъ благодатію Духа Святаго... то тотчасъ, какъ псы разъяренные, начинаютъ лаять противъ него... говоря ему: перестань, прельщенне и горделиве! Кто въ теперешнее время можетъ сдѣлаться такимъ, каковы были древніе отцы? Или кто можетъ видѣть Бога хотя мало нѣважно?... Таковымъ, мнѣ кажется, я долженъ достойно отвѣтить:.. о братія! Изъ васъ дѣйствительно никто, какъ говорите, не видѣлъ Бога; но изъ тѣхъ, которые самоохотно вяли на себя крестъ Господень и потекли тѣснымъ путемъ, готовы будучи и душу свою погубить за животъ вѣчный, изъ этихъ многіе видѣли Бога, и прежде и теперь, какъ думаю, многіе видятъ Его, и всякій можетъ увидѣть Его, если возжелаетъ сего и устремится къ сему какъ должно; только вы, по развращенію сердца вашего и по зависти, не можете видѣть такихъ людей“... (сл. 80. All. LV, II, 340—341). Даже грѣшники, при условіи покаянія, которое чрезъ Христа открыто всѣмъ (ср. сл. 26. All. XLVIII, eth. 2, I, 233—234 и сл. 32. All. LXIV), могутъ стать „зрителями свѣта“: „Кто это Ты, Сокрытый, все зришь?—воскликаетъ св. отецъ,—какъ мы не видимъ Тебя, а Ты зришь все? Однако, лишь тѣмъ, которые усердно ищутъ Тебя, Ты являешь Себя, дѣлая ихъ Своими друзьями. Всѣ смертныя, даже великіе грѣшники, разъ покаются, дѣлаются сынами Твоего Божественнаго свѣта (divinae lucis filii evadunt). Свѣтъ всегда рождаетъ свѣтъ: такъ и эти, будучи свѣтомъ, суть сыны Божіи и боги по благодати, поскольку они честно Твои заповѣди исполняютъ“... (div. amog. 8 cap. 579 AB). „...Духовное рожденіе совершаетъ въ насъ таинство обновленія душъ человѣческихъ, благодатію Святаго Духа соединяя и сочетавая насъ съ воплотившимся Сыномъ Божіимъ и Богомъ, чрезъ Коего мы во чревѣ прия-

хомъ, и поболѣхомъ и родихомъ духъ спасенія (Ис. XXVI, 18). Возвѣщаю же я о семъ для того, чтобы явно представить неизреченную любовь Божію къ намъ, и то, что если захотимъ, то и мы всё... можемъ сдѣлаться матерію Иисуса Христа Господа и братіями Его, и подобными ученикамъ Его и апостоламъ, не по достоинству оныхъ и не по трудамъ, какіе подъяты имъ въ проповѣди евангелія, но по благодати Божіей, которую богато изливаетъ Онъ на вѣрующихъ въ Него и послѣдующихъ Ему, не возвращаясь вспять, какъ Самъ Христосъ вѣзмъ явно возвѣщаетъ о семъ, говоря: Матѣ Моя и братія Моя сіи суть, слышавшія слово Божіе, и творящія е (Мук. VIII, 21)... (сл. 45-е, Ал. XLV, I, 397; ср. II, 484).

Данная намъ благодать Божія дѣйствуетъ независимо отъ всевозможныхъ внѣшнихъ ограниченій и побораая внутреннія препятствія, каковыми въ настоящемъ случаѣ являются чело-вѣческія страсти: „если исповѣдуешь, пишетъ преп. Симеонъ,—что Христосъ есть свѣтъ міра по Божеству, то какъ думаешь, что Онъ въ тебѣ есть, а говоришь, что не видишь Его? Если скажешь, что Духъ Святой въ тебѣ заслоняется страстями, то дѣлаешь Бога описуемымъ и превосходяемымъ отъ зла и тьмы, сущихъ въ тебѣ: ибо злоуміе и страсти и безъ дѣлъ грѣховныхъ суть тьма. Итакъ, кто говоритъ, что имѣетъ въ сердцѣ своемъ свѣтъ покрытымъ тьмою страстей и потому не видитъ его, тотъ утверждаетъ, что свѣтъ Божій превосгается тьмою челоуѣческой, и доказываетъ, что лжетъ Духъ Святой, Который говоритъ чрезъ евангелиста Іоанна: и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объята... Познай же ты, говорящій сіе,... что явно грѣшишь въ вѣдѣніи, ибо, если сознаешься, что тьма страстей покрываетъ находящійся въ тебѣ свѣтъ, то прежде всего другого себя самого обли-чаешь, говоря, что сидишь во тьмѣ и состоишь подъ властію страстей... лежишь въ праздности и бездѣйствіи во тьмѣ страстей... презираешь Христа..., оставляя Его лежать въ нечи-стомъ сердцѣ твоёмъ, какъ въ нѣкоемъ блатѣ“ (сл. 57, Ал. LVI, eth. 10, II, 51—53).—„Увѣрвать словесамъ Бога нѣтъ никакого препятствія, которое бы ставило преграду къ тому. Какъ только захотимъ отъ всей души нашей, тотчасъ и увѣ-руемъ, ибо вѣра есть даръ всеблагого Бога...“ (сл. 56, II, 21—22—Mg. 693 C—694. B; ср. Ал. XXII); посему нельзя никому отчаиваться получить даръ „вѣдѣнія, созерцанія и

чистоты“, „еще въ настоящей жизни достигнуть того, чтобы Христосъ обиталъ внутри его...“ (сл. 52, Ал. XLIX, I, 480). А разъ дѣло обстоитъ такъ, то всё внѣшнія условія не могутъ имѣть рѣшающаго значенія: стяжаніе дара мистическаго вос-пріятія, „зрѣнія свѣта“, независимо отъ возраста, внѣшняго положенія, обстоятельствъ жизни и происхожденія (см. сл. 56, Ал. XXII, Mg. 697 B, 699 C, 700 D), ибо „видѣть свѣтъ истин-ный“, „стяжать въ сердцахъ своихъ сокрытую жизнь вѣч-ную“—„всѣхъ призываетъ Богъ отъ востока до запада, и іудеевъ и еллинавъ“ (сл. 26, Ал. XLVIII, eth. 2, I, 239). Мисти-комъ, т. е. богозрителемъ, можетъ сдѣлаться какъ живущій среди міра, такъ и живущій въ безмолвіи и уединеніи, ибо „Христосъ заповѣди Свои опредѣлилъ вообще для всѣхъ, и ничего не законополагалъ особо для монаховъ, и особо для мірянъ“ (11 сл. Ал. LXV, I, 109).—„Для всѣхъ вообще, не для монаховъ только; но и для мірянъ, возможно всегда каяться и плакать, молиться Богу и преуспѣвать во всѣхъ добродѣтеляхъ. А что то, что я говорю, истинно, пишетъ преп. Симеонъ,—подтверждаетъ слово мое и св. Іоаннъ Злагоустъ, великій столпъ и учитель Церкви, въ бесѣдѣ на 50-й псаломъ, гдѣ говоритъ, что и для того, кто имѣетъ жену и дѣтей, рабовъ и множество слугъ, большое богатство и почести, и кто великъ и славенъ по мірскимъ дѣламъ,—возможно не только каждодневно пла-кать, молиться и каяться, но достигнуть и совершенства добродѣтели и пріять Святаго Духа, содѣлаться другомъ Богу и сподобиться созерцанія Его. Таковы были жившіе прежде Христа: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Моисей..., и въ новой благодати—апостолъ Петръ... Они пользовались міромъ, какъ говоритъ ап. Павелъ, но не злоупотребляли. Почему; и живя въ мірѣ, они были славны и знамениты, и въ дру-гой жизни въ Царствіи Небесномъ въ нескончаемые вѣки будутъ славнѣйшими и свѣтлѣйшими. Такъ и мы, если бы не были нерадивыми и безпечными презрителями заповѣдей Божіихъ, но усердными, ревностными и внимательными исполнителями ихъ, то не имѣли бы нужды оставлять иму-щества свои, удаляться отъ міра и дѣлаться монахами...“ (66 сл., II 142—143—Mg. 33 от. 497 AC, см. Опт. изд. стр. 159—160). Слѣдовательно,—можно и въ міру живя, сдѣ-латься духоносцемъ, мистикомъ, лишь должно „бѣжать отъ пристрастія къ міру, сохранить себя неуязвленнымъ отъ

грѣха и, находясь среди вещей и дѣлъ мірскихъ, среди попеченій и заботъ житейскихъ, проводить жизнь въ совершенной чистотѣ“ (сл. 66, All. V, II, 162—163).—Итакъ, всѣ заповѣди, которыя Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, равно заповѣдалъ Онъ и намъ, чтобы мы соблюдали ихъ всѣ до одной. И мы можемъ ихъ соблюсти, даже находясь въ мірѣ, но не хотимъ, потому что слабоваты въ вѣрѣ и любви ко Христу. Что это, сказанное мною сейчасъ, истинно, — подтверждаютъ всѣ, которые прежде закона, въ законѣ и по воплощеніи Спасителя нашего Христа благоугодили Богу, находясь въ мірѣ, съ дѣтьми и женами, и при всѣхъ попеченіяхъ мірскихъ, потому что совсѣмъ не имѣли пристрастія ко всему атому, но были отрѣшены отъ того произволеніемъ своимъ. Иные изъ нихъ по вѣрѣ и дѣламъ были болѣе свѣтлыми лицами, нежели тѣ, которые проводили жизнь въ горахъ и пещерахъ“ (74 сл., II, 246—247 = Mg. 22 ог., 420 D—421 A, ср. Опт. изд. стр. 35) ¹⁾. Такимъ образомъ, хотя преп. Симеонъ признаетъ, конечно, что для стяжанія мистическаго опыта челоуѣку существенно необходимо особый образъ жизни, если не прямо монашескій, то приближающійся къ нему, и много разъ высказываетъ мысль, что монаху удобнѣе сдѣлаться духовосцемъ (ср. *divin. amog.* 516 AB), однако онъ не является одностороннимъ и пристрастнымъ проповѣдникомъ исключительной пригодности для стяжанія спасенія монашескаго образа жизни: и для монашествующихъ онъ указываетъ общій идеаль—„быть истинными христианами“ (сл. 73, All. III, II, 230), и въ своихъ словахъ, главнымъ образомъ обращенныхъ къ монахамъ того монастыря, гдѣ преподобный былъ игуменовъ, постоянно, гдѣ только это было къ мѣсту, онъ съ необычайной энергіей и силой, съ трогательной ревностью о преуспѣянїи истиннаго монашества, нелицеприятно порицалъ недостойныхъ носителей великаго ангельскаго образа (см., напр., сл. 66, II, 160—168; сл. 73, II, 229—234 и, особенно, сл. 75, II, 259—266 = Migne 32 ог. 482 A—485 D., ср. Опт., 87 стр. и сл.).

4. Но для христианина не только возможно и удобно, „послѣ воплощеннаго домостроительства Христова“, — зрѣть Бога, быть мистикомъ: это для него *существенно необходимо*. Вѣдь „если мы не облечемся во Христа Бога нашего“ и,

получить Духа Святаго, Который есть „сѣмя Христа“ (*semen Christi*), не облечемся сродниками Христа... „если не облечемся душъ своихъ очищенными поканіемъ и преисполненными свѣта, то никакой не принесутъ намъ пользы всѣ другія дѣла“ (сл. 69, II, 202 = Mg. 33 ог. 506 BC). Въ самомъ дѣлѣ: безъ стяжанія мистическаго воспрїятія челоуѣкъ есть лишь оглашенный, ибо „оглашеннымъ слѣдуетъ называть не только невѣрнаго, но и всякаго, кто не зрѣтъ славы Господа откровеннымъ лицемъ ума своего“ (сл. 80, II, 335, All. LV); душа такого челоуѣка, отверстая для вселенія діавола, — мертва, безчувствена, порабощена грѣхомъ: „прежде, чѣмъ душа соединится съ Богомъ, прежде чѣмъ узрѣтъ, пронаетъ и восчувствуетъ, что воистину соединена съ Нимъ, — она бываетъ совсѣмъ мертва, слѣпа, безчувствена“ (сл. 29, I, 257 = Mg. 4 ог., 341, AB); „...какъ тотъ, кто стяжалъ благое сердце трудами и дѣланіемъ заповѣдей, имѣетъ въ себѣ все Божество, Которое есть благое сокровище..., такъ тотъ, кто творитъ злыя дѣла, уязвляется жаломъ смерти, грѣхомъ, и, сквозъ эту язвину и ужаленіе грѣха тотчасъ, какъ червь, входитъ діаволь и живетъ тамъ внутри. Видишь ли, какъ тѣ, которые не сдѣлали сердце своихъ чистыми посредствомъ слезъ и поканія, имѣютъ живущимъ внутри себя діавола, который есть злое сокровище?“ (сл. 80, II, 337—339; ср. сл. 87-е, II, 449, All. LXVI); „душа наша... безъ Духа Святаго мертва есть и совсѣмъ не можетъ жить жизнью вѣчною..., и прежде чѣмъ соединимся съ Нимъ и жить станемъ Имъ, да не глаголемъ, что работаемъ Господу“ (сл. 78-е, II, 305, All. LIII). Находясь въ такомъ нравственномъ состоянїи, челоуѣкъ, естественно, не можетъ знать воли Божіей и не можетъ имѣть настоящей, истинной молитвы: „если ты не сподобился видѣть Самого Христа, то что тебѣ кажется, ужь живъ ли ты? И какъ можно тебѣ думать, что ты работаешь Господу, когда еще не видалъ Его? Если скажешь, что ты не сподобился увидѣть Его и услышать гласъ Его, то отъ кого узнаешь волю Его, святую, угодную и совершенную? Если скажешь, что ты научаешься познанію ея изъ Божественныхъ Писаній, то я замѣчу тебѣ, что читаемое въ Писанїи настоящимъ образомъ познается, когда дѣломъ исполняется. Тебѣ же, который весь мертвъ есть и лежишь во тмѣ, какъ возможно даже услышать отъ Писанія волю Божію, а не только сотворить ее, и живу быть? Никакъ невозможно“ (II,

¹⁾ Ср. и сл. 30, I, 263 = Mg. 3 ог. 333 D.

308). „Итакъ, прежде всего надлежитъ сдѣлаться вѣрнымъ и съ Богомъ примириться и содружиться... Душа съ Богомъ примирившаяся и содружившаяся бываетъ кроткою, смиренною и сокрушенною... и обрѣтаетъ покой, не бываетъ смущаема никакими чуждыми и неумѣстными помыслами. Таковая душа и молится какъ подобаетъ... и это невозможно ни для какого человѣка..., если душа его не содѣлается причастницею Святаго Духа, по мѣрѣ вѣры его во Христа...“ (сл. 8; I, 80—Mg. 15 or. 388 BC). Безъ живого и сознательнаго мистическаго опыта нельзя познать, насколько намъ доступно, тайну евхаристіи, нельзя стяжать всыновленія Богу и твердой вѣры въ будущую жизнь и въ тайну воскресенія мертвыхъ, однимъ словомъ—нельзя спастись. „Со Христомъ соединяетъ благодать Святаго Духа, и кто не имѣетъ Духа Святаго обитающимъ въ себѣ завѣдомо, тому невозможно имѣть общеніе со Христомъ или видѣть славу Христа сознательно. Онъ не можетъ и Божественныхъ Тайнъ умно созерцать такъ, какъ бы видѣлъ Самого Христа и Бога, но видитъ только чувственно хлѣбъ и вино, которые стоятъ на трапезѣ и видимы чувственно. И сіе праведно страдаютъ таковыя, потому что не получившіе благодати Святаго Духа не могутъ видѣть, ни познать Христа-Бога“ (сл. 87, II, 456, All. LXVI). „Подвизайтесь стяжать сознательно внутрь васъ Царствіе Небесное, т. е. благодать Святаго Духа, пишетъ преп. Симеонъ. Скажи мнѣ, какъ возможно увидѣть Отца Христова тому, кто не стяжалъ ума Христова? И тому, кто не видитъ, что внутри его говоритъ Христосъ, скажи мнѣ, какъ и какимъ способомъ возможно сказать: Авва Отче? Кто не стяжалъ сознательно внутрь себя Царства Небеснаго, тому есть ли способъ вникнуть въ него по смерти? Тому, кто не увидѣлъ, что въ немъ пребываетъ Сынъ со Отцемъ Его во Святомъ Духѣ, какъ возможно быть съ Нимъ въ будущей жизни?..“ (здѣсь ссылка на Иоан. XVII, 24 и 20—23; сл. 89, II, 471—472, All. XXXIV; ср. сл. 87, II, 452, All. LXVI). „Ты явилъ свои чудеса во мнѣ, самомъ недостойномъ и грѣшномъ слугѣ дракона-діавола, — читаемъ въ другомъ мѣстѣ писаній преп. Симеона. Ты даровалъ мнѣ невечерній свѣтъ, и мою осіянную душу объяла тьма (et tandem collustrata anima mea tenebris oppleta). Ты дай мнѣ слова повѣдать всѣмъ твоимъ чудесамъ Твоимъ, чтобы безпечные и маловѣрные, невѣрующіе въ возможность спасенія грѣшниковъ, познали, что это

для Твоей благодати всегда было, есть и будетъ легко; чтобы тѣ, которые полагаютъ, что имѣютъ Тебя въ себѣ, однако говорятъ, что не видятъ Тебя и не живутъ въ свѣтѣ, познали, что нѣтъ Тебя въ ихъ загрязненныхъ сердцахъ и что тщетна ихъ надежда узрѣть Тебя въ будущей жизни. Но вѣрнымъ овцамъ Твоимъ здѣсь дается прочный залогъ. Кто какимъ въ будущую жизнь вошелъ, такимъ и пребудетъ. Это страшно... Подобно тому, какъ слѣпой, не видѣвшій свѣта этого солнца, никогда его не увидитъ, такъ и умершій „со слѣпымъ умомъ“ никогда не увидитъ Бога, а будетъ пребывать во тьмѣ и въ отдаленіи отъ Бога. А это—величайшее и тяжелѣйшее несчастіе и лишеніе для вѣрующаго и христіанина, ибо кто отдѣляется отъ Бога, тотъ лишается всякаго блага“ (div. алог. 2 сар. Mg. 511 BD)¹). „Духоносцы имѣютъ житіе свое на небесахъ, сдѣлавшись изъ людей болѣе ангелами, а не имѣющіе Духа сидятъ еще во тьмѣ прародительской и въ сѣни смерти, прикованные къ землѣ и земному. И тѣ освѣщаются обильно мысленнымъ невечернимъ свѣтомъ, а эти только чувственнымъ; тѣ видятъ и себя самихъ и ближнихъ (у Миге'я: епогі),—а эти, видя каждый день и себя самихъ и ближнихъ умирающими душевною смертію, не знаютъ и не вѣрятъ, что есть воскресеніе мертвыхъ, судъ и воздаяніе каждому по дѣламъ его“ (пл. 174, II, 565—Migne. 644—645 D). „И если душа не восчувствуетъ, что Царство Божіе пришло въ нее и воцарилось въ ней, нѣтъ ей надежды спасенія“ (сл. 44, I, 366—Mg. 13 or, 379 A). Посему—„не говорите, что нельзя принять Св. Духа, что безъ Него возможно спастись, что Его можно воспринять несознательно; что Бога люди не могутъ видѣть, что они не могутъ зрѣть свѣта, особенно въ настоящее время..., (div. ап., Mg. 544 BC)... Разъ съ живымъ мистическимъ опытомъ связаны такія существенно-важныя для духовной жизни чело-вѣка слѣдствія, то, собственно и строго говоря, немистикъ не есть и христіанинъ: „тщетно именуется христіаниномъ тотъ, кто не имѣетъ въ себѣ благодати Христовой ощу-чительно“ (in agnitione), т. е. такъ, чтобы опытно знать, что имѣетъ въ себѣ такую благодать (поясняетъ еп. Теофанъ, см. сл. 22, I, 204—Mg. 14 or., 381 D—382 A)²). Истинный

¹) Ср. *Höll*, op. cit., ss. 47—48.

²) Ср. еще сл. 25, I, 228—230—Mg. 27 or., 452 D—454 A.

христианинъ долженъ быть „небеснымъ“, каковъ есть Христосъ, Родоначальникъ истинныхъ духовносцевъ: „а если ты не таковъ,—говоритъ преп. Симеонъ,—то какъ присваиваешь себѣ имя христианина?.. Старайся быть небеснымъ.. Христосъ далъ намъ хлѣбъ животный, вкушающіе отъ котораго не увидятъ смерти. И вотъ „небесные“—безгрѣшные—вступаютъ въ бессмертную жизнь“ (div. am. Mg. 580 D—581 B), получаютъ въ душѣ своей „печать Христову“ (div. amot. 593 A), ибо „такова о насъ воля Бога, создавшаго насъ и насъ почтившаго и прославившаго славою образа Своего“ (сл. 89, II, 477, Ам. XXXIV). И когда человекъ „сознательно“ принимаетъ въ себя Христа и дѣлается „разумнымъ“ жилищемъ Св. Духа, то оживаетъ духовно: „какъ только Духъ Святый войдетъ и вселится въ насъ,—сочетываетъ и связываетъ нервами духовной силы добродѣтельные дѣянія, которыя сами по себѣ остаются мертвыми, отдѣленными одно отъ другого, какъ бездушные члены,—связываетъ любовью къ Богу и такимъ образомъ содѣлываетъ насъ новыми и живыми изъ ветхихъ и мертвыхъ, каковы мы самі по себѣ; другимъ способомъ невозможно ожить и жить душѣ“ (сл. 78, II, 306); человекъ получаетъ способность точно различать добро и зло; что есть основа духовно-нравственной жизни; „какъ для того, чтобы видѣть видимыя твари, потребенъ чувственный свѣтъ; такъ и для того, чтобы видѣть мысленныя вещи, потребенъ свѣтъ умный;.. Свѣтило умное; Солнце правды, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, подающій свѣтъ умнымъ очамъ душевнымъ, чтобы мысленно видѣли мысленное и невидимое.. И если не возсияетъ умное наше Солнце, нельзя видѣть стремнинъ зла и ровныхъ путей правды, красящихся повелѣніями Божиими“ (сл. 24, I, 223—224—Mg. 10 or. 365 D—366 A); наконецъ, лишь при этомъ условіи получаетъ человекъ и опытное познаніе всего христианства: „когда всешится въ насъ Богъ и откроетъ намъ Себя зашѣдомо (значительно, осязательно) — пишетъ преп. Симеонъ, тогда и мы прозримъ къ вѣдѣнію, т. е. уразумѣемъ дѣйственно тѣ божественныя таинства, которыя сокрыты въ Божественныхъ Писаніяхъ“,.. достигнемъ „причастія благъ и созерцанія ихъ“. Но какія это блага, о коихъ я здѣсь поминаю? Совершенная любовь къ Богу и ближнему, презрѣніе всего видимаго, умерщвление плоти, плотскихъ членовъ, которые на земли, и срамной грѣховной по-

хоти; такъ чтобы, какъ мертвый ни о чемъ не помышляетъ и ничего не чувствуетъ, такъ и мы не помышляли совершенно ни о какомъ этомъ похотѣннѣ, и не чувствовали никакого насильственного и властнаго давленія на насъ грѣха, искушающаго насъ, но помнили бы только заповѣди Спасителя нашего Иисуса Христа, бессмертіе и негнѣбие, славу непрестающую, жизнь вѣчную, Царство Небесное; и всynoвленіе, полученное нами чрезъ новое рожденіе отъ Духа Святаго, въ коемъ (рожденіи) содѣлались мы сынами Божиими и богами по благодати, наследниками Божиими и сонаследниками Христу, — помнили бы также, что съ сими благами стяжали мы и умъ Христовъ, или духъ Христовъ, и благодать Св. Духа, и умомъ познали Бога и Самого Христа, обитающаго въ насъ и шествующаго намъ въ насъ. Итакъ тѣ, которые, слыша заповѣди Божіи, творятъ ихъ, сподобляются богато получить все эти неизреченныя блага, подаемыя ради творенія заповѣдей, посредствомъ.. отверстія умныхъ очей душевныхъ...“ (сл. 49, I, 444—445—Mg. 19 or. 402 CD).

Такимъ образомъ, во всемъ вышеизложенномъ мы видимъ, какъ преп. Симеонъ, устраняя все три главныхъ возраженія противъ возможности христианскаго мистицизма, именно: 1) что, согласно Св. Писанію (ср. проф. Ал. Изв. Введенскаго), человекъ вовсе не можетъ „зрѣть Бога“; 2) что если и можетъ, то лишь въ будущей жизни; а не теперь; и 3) если допустить ужь, что и въ настоящей жизни люди могутъ зрѣть Бога, то должно признать, что это возможно лишь „святымъ“, исключительнымъ избранныкамъ; а не простымъ „рядовымъ“ христианамъ,—соотвѣтственно устанавливаетъ такія положенія: 1) „по удостовѣренію Божественныхъ Писаній“ „дѣло сіе (т. е. непосредственное единеніе съ Богомъ, „содѣлаться едино съ Тѣмъ, Кто выше всякой мысли“) — возможно, и въ истинной своей силѣ бываетъ въ дѣйствительности, и совершается зашѣдомо съ сознаніемъ его“ (гл. 149 и 150, II, 557—Mg. 634 CD);—2) „и нынѣ есть и среди насъ возвращаются“ истинные мистики, т. е. „люди безстрастные, святые и исполненные Божественнаго свѣта“ (гл. 118, II, 545—Mg. 659—660 D) и 3) „всякій, по причинѣ неисполненія и нарушенія заповѣдей Божіихъ, собственно самъ себя лишаетъ такихъ благъ (т. е. мистическаго опыта), соотвѣтственно своей неисправности“ (гл. 150, II, 557).

II. Но здѣсь самъ собою встаетъ рядъ вопросовъ: если всѣ люди принципиально могутъ быть мистиками, то почему на дѣлѣ не всѣ становятся ими? и какой изъ этого положенія можно указать выходъ, разъ стяжаніе мистическаго опыта обуславливаетъ собою, какъ мы видѣли выше, спасеніе и связано съ нравственной отвѣтственностью?—Преп. Симеонъ ясно и опредѣленно указываетъ, что, дѣйствительно, *фактически лишь очень „немногіе сподобляются видѣть свѣтъ“* (сл. 56, II, 27 = Mg. 698 C): „...лишился я, пишетъ онъ, Твоего свѣта, который всѣ желаютъ, но немногіе обрѣтаютъ... Нѣкоторыхъ Ты удостоиваешь зрѣнія Твоихъ тайнъ, допускаешь ихъ до матеріальнаго сообщенія, но въ нематеріальномъ чувствѣ, съ Твоими невыразимыми и страшными тайнами и даешь имъ познать въ видимомъ невидимую славу и новую тайну; но хорошо знаю, что мало такихъ, которые эти тайны созерцаютъ ясно (admodum pauci sunt, sat scio, qui haec liquido apud animum suum contemplati fuerunt, d. a. 12 cap. 523 D), ибо „какъ даютъ разумѣть сказанныя Христомъ Господомъ слова: много званыхъ, мало же избранныхъ,—и: въ дому Отца Моего обители многи суть,—такъ и знайте всѣ вы, что святыхъ много, а безстрастныхъ (т. е. достигшихъ совершенства, мистиковъ) немного“ (сл. 84, II, 398, Ал. L). Причина ¹⁾ же того, что большинство людей даже среди христіанъ суть немистики, т. е. „не сподобились еще пріять и вкусить свѣта Божія“, — заключается въ ихъ нерадѣніи и неисправности, въ „неисполненіи и нарушеніи заповѣдей Божіихъ“: „кто не имѣетъ таковой благодати (т. е. сознательнаго мистическаго опыта), это явно бываетъ изъ неблагоговѣнства и дерзости его въ отношеніи къ священному и божественному, также изъ гнѣвливости скорой, изъ мудрованія его несмирннаго, изъ тщеславія и другого по-

¹⁾ Ср. *Вл. С. Соловьевъ*, собр. соч. I изд., т. VII „Оправданіе добра“, стр. 178—179: есть люди, „лишенные воспримчивости къ свѣту Божества“, и для этого можно даже привести телеологическое объясненіе (именно — интересы специализации труда ради „реальнаго объединенія человѣчества“); не исключающее, однако, нравственной отвѣтственности самого невѣрующаго. Ср. *проф. А. И. Бриллиантовъ*. Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ I. С. Эригены. Спб. 1898, стр. 435: лишь нѣкоторые, немногіе—мистики, по дѣйствию благодати.—Ср. *В. Джелезъ*. Многообразіе религіознаго опыта. Москва, 1910, стр. 193—194: люди малоспособные и совсѣмъ неспособные къ религіознымъ переживаніямъ.

добнаго“ (сл. 22, I, 204 = Mg. 14 от. 382 A) ¹⁾. — „Всѣ такіе люди еще во тьмѣ сидятъ и во тьмѣ ходятъ,—и не хотятъ, какъ должно, покаяться. Покаяніе есть дверь, которая выводитъ человѣка изъ тьмы и вводитъ въ свѣтъ. Почему, кто не вошелъ еще въ свѣтъ, тотъ очевидно не добръ и не какъ слѣдуетъ прошелъ черезъ дверь покаянія. Ибо если бы онъ прошелъ чрезъ нее добръ, то непременно вступилъ бы въ свѣтъ... Кто не кается, согрѣшаетъ, что не кается. И во второе пришествіе Господне, на тѣхъ, которые нынѣ не хотятъ внити въ свѣтъ..., откроется свѣтъ, сокрытый нынѣ, и сдѣлаетъ явными всѣ ихъ сокровенности“ (сл. 79, II, 318—319 = Mg. 20 от. 407 AC). Сознаніе же того, что способность богознанія заложена въ каждомъ (ср. div. am. 2 cap. 514 A: sic est in omni divinum Trinitatis lumen) и что главная причина отсутствія у человѣка мистическаго опыта—его собственное нежеланіе (ср. div. am. 509 C ²⁾) пережить вполне доступное духовно-нравственное измѣненіе (ср. II, 339),—заставляетъ даннаго человѣка—немистика особенно сильно чувствовать свою личную неисправность и обязываетъ его быть особенно осторожнымъ въ отверженіи принципиальной возможности богозрѣнія. Преп. Симеонъ пишетъ: „если не хочешь меня послушать и для стяжанія ихъ (т. е. высокихъ добродѣтелей) возымѣть всегдашнимъ и постояннымъ дѣломъ то, что я тебѣ сказалъ, по крайней мѣрѣ не хули того ни ты, ни другой кто, говоря, будто это невозможно“ (сл. 69, II, 200 = Mg. 33 от. 505 C). „...Посмотри-ка: говоря, что тому, кто не хочетъ, невозможно быть такимъ (т. е. мистикомъ),—ты вѣдь самъ себя обличаешь, что не хочешь и не произволяешь быть имъ: ибо, если захочешь быть имъ, можешь. Пусть впрочемъ ты не таковъ; но Богу хотящу, есть другіе многіе, которыхъ ты не знаешь.—Если во время пророка Іліи Богъ имѣлъ семь тысячъ человѣкъ, не преклонявшихъ колѣнъ предъ Вааломъ, т. е. не идолопоклонствовавшихъ; то гораздо больше найдется истинно Богу поклоняющихся во времена сіи (новозавѣтныя), когда Богъ богато излилъ на насъ Духа Святаго. Впрочемъ, если кто не совлечется всего препятствующаго

¹⁾ Ср. *Migne*, 712 BC: почему не всѣ мистики и какъ быть мистикомъ?

²⁾ ...verum nos semper posmet a te abscondimus; dum ad te venire volumus.

сему и не притечетъ къ Богу, наримъ и не възыщетъ получить то, виновать въ этомъ тотъ, кто не хочетъ, а не Богъ“ (сл. 89, II, 476, Ал. XXXIV)¹⁾. Отсюда, каждый человекъ, особенно христiанинъ, если не можетъ быть фактическимъ богозрителемъ, то не только можетъ, но и долженъ вѣрить въ возможность богозрѣнія для человека, при извѣстныхъ условiяхъ, конечно,—и усиленно дѣломъ къ сему стремиться, возлагая всѣ возможныя здѣсь недоумѣнія на волю и мудрость Божію: „ты же, возлюбленный, — пишетъ преп. Симеонъ,—если не знаешь еще того, о чемъ я говорю (т. е. о высотѣхъ мистическаго опыта), не отчайся и не скажи: того, о чемъ ты говоришь, я совсѣмъ не знаю, и не могу тому научиться, и не чаю, чтобы могъ когда-либо достигнуть до высоты такого вѣдѣнія, созерцанія и чистоты. Но опять не скажи и такъ: если невозможно войти въ Царствіе Божіе тому, кто еще въ настоящей жизни не облечется во Христа, яко Бога, не взойдетъ до созерцанія Его и не достигнетъ того, чтобы Онъ обиталъ внутри его (я же не могу успѣть ни въ чемъ такомъ); то какая мнѣ польза и подвизаться ради этого, изъ-за этихъ подвиговъ лишать себя наслажденія настоящими благами?—Смотри, не говори такого слова и даже не думай такъ. Но если тебѣ угодно и если желаешь послушать моего совѣта, я, съ помощію Духа Святаго, истолкую тебѣ, въ чемъ настоящій путь и способъ спасенія. Итакъ, перво-на-перво, отъ всей души повѣрь, что все сказанное мною есть совершенная истина, свидѣтельствуемая Божественными Писаніями, и что всякій вѣрующій въ Сына Божію долгъ имѣть, быть именно такимъ: ибо намъ дана область чадами Божіими быть, и если восхощемъ, нѣтъ къ тому никакого препятствія. Для этого было все воплощенное домостроительство и снисшествіе Сына Божіа на землю, т. е. для того, чтобы насъ сдѣлать общниками и наследниками Божества и царства Своего посредствомъ вѣры въ Него и соблюденія заповѣдей Его. Ибо если не увѣруешь, что это бываетъ именно такъ, какъ я сказалъ выше, то конечно не станешь искать того, а не разыскавши не полу-

¹⁾ Здѣсь неумѣстно и недобросовѣстно ссылаться на Божественное предопредѣленіе, ср. слово 26-ое, I, 232—241 = eth. 2, Ал. XLVIII: „о покаяніи и противъ тѣхъ, которые криво толкуютъ слѣдующія слова божественнаго Павла: „ихже предувѣдѣ, тѣхъ и предустави и пр.“ (Рим. VIII, 29 и сл.).

чишь. Послѣ же того, какъ увѣруешь, послѣдуй Божественнымъ Писаніямъ и дѣлай все, что они тебѣ говорятъ. Поступая такъ, найдешь все это, какъ написалъ мною, неопредѣлительнымъ. И не только это, но найдешь и другое многое, больше этого—найдеши написаннымъ въ Божественныхъ Писаніяхъ. Что же это такое? То, чего око не видѣло, о чемъ ухо не слышало, и что человеку на сердце не восходило,—блага, уготованныя Богомъ любящимъ Его. И если ты несомнѣнно повѣришь тому, что я сказалъ, то всеконечно увидишь это и ты, какъ и Павелъ, и восхищенъ будешь въ рай, куда вошелъ разбойникъ вмѣстѣ со Христомъ, и услышишь тамъ неизреченныя глаголы“ (сл. 52, I, 480—481, Ал. XLIX).

Итакъ, вотъ искомый нами выходъ: если не всѣ люди суть и даже (фактически, по нравственной необходимости, которая предполагаетъ однако свободу произволенія въ подвигѣ) могутъ быть мистиками, т. е. обладателями мистическаго воспріятія, то каждый внимательный, искренній и епособный къ самонаблюденію человекъ, присматриваясь къ своей духовной организаціи и къ своей душевной жизни, долженъ быть мистикомъ, т. е. человекомъ, вообще признающимъ (если не у себя самого, то по крайней мѣрѣ у другихъ людей) существованіе мистическаго воспріятія и все, что съ нимъ признаніемъ связано¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, внимательный и непредвзятый анализъ вскрываетъ уже въ нашемъ чувственномъ познаніи элементы мистическіе, а непосредственное самосознаніе человекомъ своей богоподобной личности, съ ея безкомечными стремленіями къ безусловнымъ идеаламъ истины, добра и красоты, удостовѣряетъ его непоколебимо въ томъ, что человекъ, „сродный „даному“, лучшему міру, можетъ имѣть непосредственное и живое постиженіе и идеальныхъ вещей, можетъ имѣть сверхчувствен-

¹⁾ См. проф. А. Ива. Введенскій. Философ. очерки, 1901, вып. I, стр. 48; ср. и у Вл. С. Соловьева можно различить три категоріи лицъ по ихъ отношенію къ мистическому опыту: 1) мистики, 2) люди серьезновѣрующіе, т. е. мистидисты, и 3) люди вовсе невѣрующіе, атеисты, которые ответственны за свое невѣріе, хотя Высшая Воля и направляетъ впоследствии ихъ „худо“ къ тому, чтобы оно было „не безъ добра“, соч. т. VII, стр. 179.—Ср. В. Джемсъ. Многообр. религ. опыта: самъ Джемсъ мистикомъ; для немистиковъ достаточно быть мистидистами 413—414, признавать не одни факты, но и гипотезы, стр. 418.

ный опытъ, а, если не имѣеть, то долженъ съ вѣрой и смиреніемъ стремиться стяжать его ¹⁾). Въ твореніяхъ преп. Симеона не только можно найти устанавливаемое имъ различіе между немистиками и мистиками, или духоносцами (гл. 174, II, 565 = Mg. 644 D—645 D), но и подмѣтить различіе имъ среди послѣднихъ трехъ категорій, именно: мистицистовъ ²⁾, мистиковъ, проходящихъ подвигъ совершенствованія, и мистиковъ, достигшихъ совершенства: „кто *втрываетъ* тому, что я сказалъ,—пишетъ онъ въ главѣ 140-й, II, 554 = Mg. 632 D,— тотъ блаженъ. Кто *двѣтательно подвизается* посредствомъ священныхъ подвиговъ достигнуть вѣдѣнія о томъ (опытно познать то), тотъ треблаженъ. Кто посредствомъ дѣланія и созерцанія *достигъ высоты* такого состоянія и, какъ сынъ, дошелъ до Самого Бога, тотъ, чтобы не сказать нѣчто большее, есть ангель“.

III. Теперь вступаетъ въ свои права третье изъ указанныхъ выше основныхъ возраженій противъ возможности христіанской мистики и оспариваетъ возможность точно установить подлинность мистическаго воспріятія. Дѣйствительно, удостовѣриться относительно того, что переживаемыя мистикомъ мистическія откровенія — истинны, весьма важно, ибо доподлинно извѣстно, и это признается преп. Симеономъ, что, кромѣ мистики подлинной, божеской, есть мистика поддѣльная — демоническая — и мистика мнимая, т. е. естественно-человѣческая. Божеская мистика имѣеть въ своей основѣ истинное мистическое воспріятіе, или непосредственное единеніе съ Богомъ, и тѣ явленія и внѣшнія дѣйствія, которыми мистическое воспріятіе сопровождается, или въ обстановкѣ которыхъ возникаетъ, немислимы безъ правой вѣры въ Бога и безъ самоотверженнаго нравствен-

¹⁾ Вопроса „о самопознаніи, какъ основѣ богопознанія“, столь важнаго для теоріи мистики, мы думаемъ болѣе подробно коснуться въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же, во-первыхъ укажемъ главнѣйшія сочиненія, которыя мы имѣли въ виду при изслѣдованіи данной проблемы: *Геромон*. (потомъ епископъ) *Михаилъ* (Грибановскій). Истина бытія Божія, Спб. 1888, *проф. Несмѣловъ*. Наука о человѣкѣ, т. I, Казань 1898, *Вл. Соловьевъ*, соч. т. II и др.; во-вторыхъ, укажемъ въ твореніяхъ преп. Симеона мѣсто, гдѣ ясно говорится о глубокомъ значеніи для богопознанія самопознанія — сл. 80, II, 342 — 343, All. LV, eth. 9, ср. *Ной*, op. cit. s. 67.

²⁾ Ср. *Ной*, op. cit. s. 85, см. также слова преп. Симеона, сл. 22, I, 206 — Migne 14 op. 383 AB.

наго подвига. Мистика демоническая основывается на искаженномъ мистическомъ воспріятіи, т. е. на вторженіи въ человѣческую душу нѣкоей злой мысленной силы, — и на страстяхъ, полонившихъ душу, обыкновенно и главнымъ образомъ на гордости и чувственности (демоническіе: телепатія, медиумизмъ — одержимость, ясновидѣніе). Демоны суть причины того, что люди отпадаютъ отъ истиннаго своего природнаго устройства, лишаются правильныхъ условій „умнаго зрѣнія“, просвѣщенія „истиннымъ Свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка, вступающаго въ міръ добродѣтелей“, и впадаютъ въ ложную мистику: „простая и несложная душа, говоритъ преп. Симеонъ, не можетъ заболѣть и страдать такъ же, какъ тѣло. Какъ же заболѣваетъ она и страдаетъ? Отъ измѣненія ея помысловъ и стремленій, когда, будучи умною силою; устремляется она къ безсловеснымъ пожеланіямъ и неразумному гнѣву. Это же отъ чего бываетъ? Это бываетъ отъ сторонняго вліянія. Есть иныя мысленныя силы, демоны, которые мысленно приближаются къ душѣ и искушаютъ ее, возмущая ея естественныя движенія: ибо она всегда находится въ движеніи, будучи по естеству приснодвижна. Такъ, когда душа хочетъ зрѣть право, демоны наводятъ нѣкій мысленный мракъ и мѣшаютъ ей зрѣть право и непогрѣшительно, но побуждаютъ призраки и фантазіи принимать за истину“ (сл. 24, I, 220—225 = Mg. 10 op. 364 A—366 D, особенно 364 B). Но нельзя впадать и въ такую крайность, что всю безъ исключенія мистику считать демонической — это „крайнее нечестіе, паче нежели ересь“: „иныя, пишетъ преп. Симеонъ, и о всемъ томъ, относительно чего Божественное Писаніе свидѣтельствуетъ и удостовѣряетъ, что оно бываетъ отъ Духа Святаго и отъ Божественнаго воздѣйствія, какъ изъ себя вышедшіе и все Божественное Писаніе отвергшіе, и все вѣдѣніе, подаемое симъ Писаніемъ, изъ ума извергшіе, не трепещутъ говорить окаянныя, что такія дѣйствія бываютъ отъ опьяненія и демоновъ... Они, когда слышатъ о Божественномъ осіяніи или освѣщеніи души и ума, или о созерцаніи и безстрастіи..., омрачаются паче очами души своей, чѣмъ просвѣщаются, и съ великою продерзостью рѣшаютъ, что это отъ прелести бѣсовской, и не трепещутъ окаянныя ни суда Божія, ни вреда, причиняемаго тѣмъ, кои слышатъ ихъ“ (сл. 64, II, 125—127, All. XXXII). — Накопецъ, кромѣ демонической мистики, есть мистика собственно-че-

ловѣческая, которая вытекаетъ или изъ душевной болѣзни, или изъ невѣжества, или изъ дѣтскости (тедепатія, ложные сны; ясновидѣнїе, какъ проявленїе подъема нервной системы обыкновеннаго человѣка, и спиритизмъ, какъ явленїе естественной силы), и имѣющія въ ней много внѣшнїя дѣйствїя и явленїя покоятся на мнимомъ (кажущемся, почитаемомъ лицѣ таковымъ) мистическомъ воспрїятїи, въ которомъ объектомъ являются—или неузнающаго человѣкомъ состоянїя его собственного сознанїя, или естественныя силы природы внѣшней, еще не изученныя и, потому, почитаемыя сверхъестественными. Должны существовать строго опредѣленные способы для различенїя подлиннаго, ложнаго и мнимаго мистическаго воспрїятїя; дѣйствительно, преп. Симеонъ даетъ намъ цѣлую, глубоко и детально разработанную „теорїю проверки“ мистическихъ переживанїй.

Должное прохожденїе „пути спасенїя“ (или наученїя мистическому воспрїятїю) непременно совершается, какъ извѣстно, подъ руководствомъ „духовнаго отца“, который самъ, конечно,—мистикъ, имѣетъ живой мистическїй опытъ. И вотъ, новонаначальному мистикъ, въ случаѣ его сомнѣнїй въ подлинности своего мистическаго опыта, прежде всего слѣдуетъ обратиться за разъясненїями и удостовѣренїемъ къ своему духовному отцу, который, какъ человѣкъ опытный духовно и просвѣщенный благодатью Св. Духа, т. е. „имѣющїй духовное зрѣнїе и духовный слухъ, повѣдавъ своего ученика и поговоривъ съ нимъ нѣсколько разъ, усматриваетъ самую душу его, т. е. познаетъ, какова она и въ какомъ состоянїи находится; даже по виду лица его узнаетъ, сподобился ли онъ прїять Духа Святаго“, по словамъ его опредѣляетъ степень его духовнаго совершенства (сл. 79, II, 325—326. All. XXVIII), ибо „особенный и рѣшительно вѣрный признакъ святыхъ“ есть слово, исходящее изъ устъ ихъ“ (сл. 80, II, 337, All. I, V),—и удостовѣряетъ истинность (или ложность) его мистическїхъ созерцанїй: „если близко отъ него (т. е. отъ новонаначальнаго мистика) находится тотъ, кто прежде сказывалъ ему, что видѣлъ Бога,—пишетъ преп. Симеонъ—то идетъ къ нему и говоритъ: о, отче! я видѣлъ то, о чемъ ты говорилъ мнѣ. Тотъ спрашиваетъ его: что ты видѣлъ, чадо мое? Видѣлъ я, отче, свѣтъ тихїй сладчайшїй; но что это была за сладость, не могу выразить. Когда говоритъ онъ это, сердце его трепещетъ отъ радости и ли-

куетъ, и пламенѣетъ любовью къ Тому, Кто явился ему. Потомъ опять начинаетъ онъ говорить со многими теплыми слезами: какъ явился мнѣ, отче, свѣтъ онїй, тотчасъ исчезла келїя моя, исчезъ мїръ, отбѣвши, какъ кажется, отъ лица Того, Кто явился мнѣ, и остался я одинъ со свѣтомъ онїмъ,—и не знаю, отче, въ тѣлѣ ли я былъ тамъ тогда, или внѣ тѣла; тогда не понималъ я, былъ ли облеченъ въ это тѣло и носилъ ли его; впрочемъ сознавалъ, что я существую, и что есть во мнѣ неизреченная радость, и любовь, и пламеннѣнїе сердца великое, и слезы рѣкою текли у меня, какъ и теперь текутъ, какъ видишь. Тотъ говоритъ ему въ отвѣтъ: это Тотъ, о Коемъ я говорилъ тебѣ;—и съ этимъ словомъ тотчасъ опять узрѣваетъ Его“ (сл. 63, II, 117—118).—Но вѣдь дѣло въ томъ, что такого „настоящаго“ духовнаго отца очень трудно найти: надо не только встрѣтить такого человѣка, но и—что самое главное—распознать его и его духовность, а для этого должно уже самому быть (хотя немного) духовнымъ человѣкомъ, „имѣя очищеннымъ око души“, быть въ состоянїи „добрѣ видѣть и различать вещи, какъ онѣ есть воистину“ (сл. 79, II, 326 и ср. гл. 79, II, 532 = Mg. 641—642 B): мистики „по духу своему“ распознаются только отъ Бога, „къ Коему устремлены всѣмъ желанїемъ и всею любовью, и Коего умно зрятъ непрестанно“ (сл. 49, I, 446 = Mg. 19 от. 403 C), и лишь тотъ, кто пребываетъ въ Богѣ, въ Богѣ все видитъ и познаетъ (сл. 79, II, 327). Богъ же въ этомъ распознанїи бываетъ помощникомъ лишь тому человѣку—христїанину или язычнику, вѣрному или невѣрному,—который „прежде всего другого подвизается въ добрыхъ дѣлахъ и непрестанно молить Бога о вразумленїи“,—„самъ отъ себя, сколько то для него возможно, заботясь о спасенїи своемъ“, если онъ—христїанинъ, и слѣдуя внушенїямъ врожденнаго человѣку религіознаго инстинкта и естественнаго нравственнаго закона, если онъ „невѣрующїй еще во Христа и почти язычникъ“, какъ, напримеръ, сотникъ Корнїлій (сл. 11-е, I, 98—102, All. LXV); человѣкъ же, „омраченный тьмою страстей и похотей“, не можетъ „придти на свѣтъ учителей истинныхъ“, а „попадаетъ на какого-либо прелестника или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста“ (I, 98, 101, 102), не умѣя, по причинѣ грѣховнаго мрака, отличить его по весьма опредѣленнымъ признакамъ, изъ коихъ важнѣйшіе суть — „исканїе

славы человеческой, съ беззаботнымъ преступленіемъ заповѣдей Божіихъ, чтобы угодить людямъ“ (I, 105—106), „не-благоговѣиство и дерзость въ отношеніи къ священному и Божественному“ и отсутствіе кротости и смиренія (сл. 22, I, 204 = Mg. 14 ог. 382 A). — Итакъ, направленный къ добру человекъ получаетъ отъ Бога возможность найти и распознать истиннаго духовнаго отца-мистика, который узнается не по знаменіямъ и чудесамъ, могущимъ быть и не отъ Бога (сл. 60, II, 90; All. LXXIII), а по тому, что онъ — смиренъ, чуждъ страстей, особенно плотскихъ (сл. 16, I, 153—154 = Mg. 17 ог. 394 D), молится со страхомъ и благоговѣніемъ“ (I, 157, Mg. 396 C), самоотверженно отданъ Богу и подвигу христіанской любви¹⁾ (до способности возлюбить враговъ своихъ и не имѣть зависти къ успѣхамъ святыхъ, сл. 80, II, 333—334; All. LV), вообще живетъ по заповѣдямъ Христовымъ (ср., напр., сл. 30 I, 266—267; Mg. 3 ог. 335 B, D) и учитъ (между прочимъ — о мистическомъ воспріятіи) „согласно богодухновенному ученію апостоловъ Христовыхъ и божественныхъ отцовъ“ (сл. 60, II, 90), „которые говорятъ отъ Духа, собственно въ нихъ пребывающаго“ (II, 122, Al. EI). Такого человека можно принять въ свои руководители и „слушать слова его, какъ слова Христовы“ (II, 90), — и онъ поможетъ своему духовному сыну въ важнѣйшемъ: въ различеніи помысловъ (ср. сл. 67, II, 183—184, Mg. 704, BC), относительно чего мы читаемъ у преп. Симеона слѣдующее: „всѣ козни и хитрости, какія бы ни употребляли демоны, чтобы увлечь умъ его (т. е. „человѣка, напавшаго на духовнаго отца истиннаго и возымѣвшаго къ нему послушаніе въ совершенствѣ“) къ помысламъ многимъ и разнообразнымъ, бываютъ уничтожаемы и разсѣиваемы: ибо тогда умъ такого человека, будучи свободенъ (въ силу истиннаго послушанія) отъ всего, имѣетъ благовременіе, безъ всякой помѣхи, изслѣдовать наносимые демонами помыслы и съ великимъ удобствомъ отгонять ихъ, и чистымъ сердцемъ приносить молитвы свои Богу“. Затѣмъ мистикъ-ученикъ, углубляясь въ свои мистическія созерцанія, долженъ постоянно и охотно подвизаться и ду-

¹⁾ Сл. 11-е, I, 104—105, All. LXV: признаки истинныхъ и ложныхъ учителей; „но симъ признакамъ умѣющіе рассуждать могутъ различать, кто сыны Божіи и кто сыны діавола“.

ховно-нравственнымъ подвигомъ, чтобы „придя въ чинъ и состояніе, подобное святымъ, быть въ состояніи легко узнавать святыхъ, достигшихъ сей мѣры“ (сл. 80, II, 343, All. LV), дабы такимъ способомъ постоянно сохранялъ живую вѣру въ своего руководителя, какъ въ „несомнѣннаго духовносоца“, и чрезъ то всегда имѣть въ словахъ его прочный критерій для удостовѣренія подлинности своего мистическаго опыта. Самъ преп. Симеонъ даетъ намъ примѣръ свидѣтельства истиннаго духопросвѣщеннаго наставника, который говоритъ объ основахъ православной мистики съ дерзновеніемъ и убѣжденностью, не допускающей сомнѣнія: „...мы истинно во едино соединены бываемъ съ Богомъ и не раздѣльны бываемъ съ Нимъ...“, пишетъ преп. Симеонъ. — Послушайте же это вы, почитающіе себя духовными, и повѣрьте Духу Святому, говорящему сіе... и не браните меня, говорящаго вамъ, словомъ благодати, о дарахъ, которые получаютъ отъ Бога прибѣгающіе къ Нему съ теплой вѣрою и исполняющіе заповѣди Его. Ибо я, говорящій сіе, слуга есмь и говорю вамъ словеса Божіи, проявляю даръ ученія, данный мнѣ, и открываю вамъ сокровенныя тайны Божіи силою сего дара, полученнаго мною чрезъ возложеніе рукъ архіерея, рукоположившаго меня во іерея... Итакъ, братія мои, Духъ есть говорящій сіе, а не я. Если же я говорю ложь, то куда убѣгу отъ страшнаго суда Божія, по коему въ пагубу посылаются глаголющіе ложь, какъ говоритъ Давидъ: погубиши вся, глаголющія лжу? (Пс. V, 7)...“ (сл. 89, II, 473—474, All. XXXIV).

Второй способъ провѣрки мистическаго опыта есть сравненіе своего опыта съ данными св. Писанія и со святоотеческими твореніями, и прилагается онъ къ мистической практикѣ параллельно съ первымъ, т. е. съ указаніями духовнаго отца: „молитвами и слезами умоли Бога — пишетъ преп. Симеонъ — послать тебѣ руководителя безстрастнаго и святаго. Изслѣдуй и самъ Божественныя Писанія, и особенно дѣятельныя писанія св. отцевъ, чтобъ, съ ними сличая то, чему учатъ тебя учитель и настоятель, могъ ты, какъ въ зеркалѣ, видѣть, насколько они согласны между собою, и затѣмъ согласное съ Писаніями усвоить и удерживать въ мысли, а несогласное — разсудивъ добрѣ — отлагать, чтобъ не прельститься. Ибо знай, что во дни сіи много явилось прелестниковъ и лжеучителей“ (гл. 33, II, 516—517 = Mg. 617—

618 АВ) ¹⁾. „Откуда можемъ мы узнать, имѣемъ ли мы въ себѣ, въ душахъ своихъ, Христа и какъ можемъ изслѣдовать самихъ себя въ семъ отношеніи до точности?“—ставитъ вопросъ преп. Симеонъ и отвѣчаетъ на него: „такъ: возьмемъ слова Божественнаго Писанія, положимъ ихъ предъ душами нашими, какъ зеркало, и станемъ сличать съ ними во всемъ самихъ себя; тотчасъ и познаемъ, что такое мы воистину“ (сл. 57, II, 43; All. LVІ и ср. сл. 70, II, 204, All. XXXI). Въ евангеліи отъ Іоанна гл. I, 12—14 указываются, по словамъ преп. Симеона, главные признаки, по коимъ познаются вѣрные, и по коимъ мы можемъ и самихъ себя познавать и ближнихъ своихъ: 1) вѣра въ Іисуса Христа, какъ Богочеловѣка, 2) соединенная съ нею „святость, достигаемая чрезъ дѣланіе заповѣдей Христовыхъ“ ²⁾, и 3) жизнь въ Церкви, выражающаяся чрезъ сознательное участіе въ таинствахъ: „св. евангелистъ и говоритъ—читаемъ у преп. Симеона: „елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася. И Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видихомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины“ (Ин. I, 12—14).“ На-те! Вотъ вамъ зеркало, о коемъ я сказалъ прежде,—эти самыя слова! И посмотрите, прошу васъ, какая точность въ словахъ евангелиста! Какъ ясно обозначаетъ онъ признаки, по коимъ познаются вѣрные, чтобъ мы и самихъ себя могли познать, и ближнихъ своихъ! Елицы же, говоритъ, пріяша Его, разумѣется, посредствомъ вѣры, и исповѣдали Его Богомъ, а не человѣкомъ только, даде имъ область чрезъ крещеніе чадомъ Божиимъ быти, освободивъ ихъ отъ тиранства діавола;

¹⁾ Самъ преп. Симеонъ свой личный мистическій опытъ старался провѣрить сравненіемъ съ мистическими созерцаніями какъ апостоловъ Стефана и Павла (div. am. 522 A—523 C) и другихъ апостоловъ и проповѣдниковъ (div. amog. 549 D—549—550 A), такъ и св. отцевъ, напр. преп. Антонія Великаго, Арсенія Вел., Евфимія В., Саввы и др., въ особенннсти съ „духовнымъ дѣланіемъ святаго и блаженнѣйшаго Симеона Благоговѣйнаго, который, какъ солнце, сіялъ въ славномъ монастырѣ Студійскомъ“, сл. 81, т. II, 344—357=Mg. 7 ог., 350 C—357 C.

²⁾ Ср.—добродѣтели суть „Божіи знаменія, кои должна имѣть душа, царствующая Богомъ“ сл. 44, I, 366=Mg. 13 ог. 379 АВ; исполненіе заповѣдей, какъ свидѣтельство обладанія благодатью, гл. 86, II, 534=Mg. 645—646 C и 647—648 A, оѣ’.

такъ чтобы они не только были вѣрными, но, если восхотятъ жить и не заповѣдамъ Его, чтобы и въ вѣрѣ притяжали и святость чрезъ дѣланіе заповѣдей Его, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Господь: святіи будите, яко Азъ святъ есмь (Лев. XIX, 2). И опять: будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть (Лук. VI, 36). Потомъ евангелистъ показываетъ и способъ, какъ таковыя дѣлаются чадомъ Божиимъ, говоря: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася. Рожденіемъ здѣсь называетъ онъ духовное измѣненіе, совершающееся и уарѣваемое чрезъ крещеніе. Духомъ Святымъ, какъ говоритъ Самъ неложный Господь: „Іоаннъ креститъ естъ водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ“ (Д. А. I, 5). Посему крещаемые Духомъ Святымъ бывають, какъ свѣтъ во свѣтѣ, и знаютъ Родившаго быхъ, потому что видятъ Его. А что рожденные благодатию Святаго Духа имѣють нужду быть питаемыми и святымъ причащеніемъ Пречистаго Тѣла и Честныя Крови Господа нашего, о семъ послушай, что говоритъ евангелистъ: „и Слово плоть бысть и вселися въ ны“. И что слова сіи говорятъ о Пречистыхъ Тайнахъ, послушай Господа, Который говоритъ: „ядый Мою плоть и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ“ (Ин., VI, 56)...“ (сл. 57, II, 45—46). Главнымъ „масштабомъ“, которымъ долженъ руководствоваться мистикъ при провѣркѣ того, насколько онъ отданъ и вѣренъ заповѣдамъ Христовымъ, а, слѣд., и того, подлинно ли имѣетъ онъ въ себѣ Христа и благодать Его, служатъ евангельскія заповѣди блаженства ¹⁾, при чемъ для болѣе раннихъ ступеней мистическаго опыта самыми характерными свидѣтелями подлинности являются—смирненіе и „слезы безъ печали“, или „воистину наиблаженнѣйшій плачь, приемиющій и утѣшеніе и дѣлающій душу кроткою“ (I, 35; ср. II, 12=Mg. 22 ог., 425 D), а для высшихъ ступеней—стяжаніе человѣкомъ полной благожелательности, что сказывается, какъ любовь къ врагамъ и совершенное отсутствіе зависти (ср. сл. 80, II, 333—334), и, главное, „совершенное освобожденіе отъ всѣхъ страстей и похотей мірскихъ и плотскихъ“ (сл. 87 II, 456;

¹⁾ Сл. 3-е, I, 32—43: „о томъ, что намъ надлежитъ испытать самихъ себя, имѣемъ ли мы блаженства Христовы, потому что онъ (добродѣтели, ими указываемыя) суть знакъ печати (Христовой)“, см. Migne, 21 ог., 412 B—418 C; All. LXVII, Mg. 298 C; ср. Опт. изд. слово 5-е.

Ал. LXVI) и полная отдаанность Божественному (гл. 175, II, 565=Mg. 645 D). Кроме сих опосредствованных способов—внѣшняго, изъ словъ духовнаго отца, и внутренняго, изъ сопоставленія наличнаго содержанія своего „я“ съ данными Св. Писанія ¹⁾ — есть еще способъ прямого и непосредственнаго самоудостоверенія ²⁾ подлинности мистическаго опыта, которое основывается на несомнѣнныхъ показаніяхъ внутренняго чувства и на голосѣ совѣсти (ср. сл. 45, I, 405, Ал. XLVII). „Въ сердцѣ нашемъ—пишетъ преп. Симеонъ—воображается Христосъ и не тѣлесно, а безтѣлесно и какъ подобаетъ Богу. Впрочемъ, какъ женщина, имѣющая во чревѣ, знаетъ о томъ ясно, такъ какъ младенецъ во чревѣ ея дѣлаетъ нѣкоторыя движенія, и нельзя ей не знать, что имѣетъ плодъ во чревѣ: такъ и тотъ, кто имѣетъ вообразившимся въ себѣ Христа, знаетъ движенія Его и възгнанія, то есть осіяніе и облистаніе Его, и видитъ внутрь себя изображение Христа. Какъ въ зеркалѣ видится свѣтъ свѣтильника: такъ видится въ немъ Христосъ, однакожь не призрачно и не несущественно, каково то, что видится въ зеркалѣ, но въ немъ видится Христосъ, какъ свѣтъ, всуущественно, невидимо видимымъ и недомыслимо постигаемымъ, во образѣ безобразномъ и въ видѣ безвидномъ“ (сл. 57, II, 59, LVI). Истинное переживаніе подлиннаго, т. е. Христова и во Христѣ, мистическаго опыта само, „ощутительно и осязательно“ (см. сл. 41, I, 343=Ал. LX), удостоверяетъ свою истинность, подлинность, „здоровость“: „какъ можно то, что сокрыто и запечатано, что незримо и недовѣдомо для всѣхъ людей и что открывается только Духомъ Святымъ, и только такимъ образомъ будучи открываемо узрѣвается и познается нами, — какъ можно, пишетъ преп. Симеонъ, постигнуть это или познать посредствомъ ученія (научно), или даже помыслить о томъ тѣмъ, которые самн о себѣ говорятъ, что ни разу не ощутили присутствія

¹⁾ Это тоже опосредствованный способъ самоудостоверенія, ибо здѣсь имѣютъ мѣсто сравненіе и умозаключеніе, т. е. рефлексія: мистикъ отъ зрѣнія въ себѣ добродѣтелей Христовыхъ заключаетъ, что имѣемый имъ мистическій опытъ—истиненъ.

²⁾ Ср. гл. 79-я, II, 532=Mg. 641—642 B: здѣсь констатируются два способа распознаванія святыхъ людей (=мистиковъ), а слѣд., и самопознанія, — 1) „по плодамъ ихъ“, т. е. по добродѣтелямъ, въ чемъ руководить Св. Писаніе, и 2) „прямо, непосредственно, познавать ихъ“ (и себя), для чего особенно необходимо „имѣть очищеннымъ око души“.

Духа Святаго, и не знаютъ, что такое есть просвѣщеніе или осіяніе Его, коими свидѣтельствуется обитаніе Его въ насъ? Какъ возможно понять сіе тѣмъ, которые ни разу не сознали въ себѣ никакихъ проявленій, которыя удостоверяли бы, что въ нихъ совершилось возрожденіе, воссозданіе, обновленіе и измѣненіе, бывающее отъ Духа Святаго“ (сл. 49-е, I, 446=Mg. 19 от. 403 B); а въ другомъ мѣстѣ своихъ словъ преп. авторъ прибавляетъ: „удостовереніе въ дѣйственности спасенія одно — это духовное чувство благодати Всесвятаго Духа, даруемой отъ Бога ради вѣры духовной силѣ ума“ (сл. 51, I, 465=Mg. 2 от. 329 D) ¹⁾. Но вотъ и первый, внѣшне-объективный способъ удостоверенія (черезъ духовнаго отца и черезъ Св. Писаніе), и второй—внутренне-субъективный—могутъ оказаться недостаточными, дающими мѣсто сомнѣніямъ и недоумѣніямъ, ибо въ первомъ центръ тяжести удостоверенія полагается, какъ-никакъ, вовнѣ, въ авторитетѣ старца или Писанія, а во второмъ, наоборотъ, всецѣло внутри, въ самомъ субъектѣ, откуда, могутъ возникнуть справедливыя упреки въ субъективизмѣ и явиться справедливыя сомнѣнія въ истинности. Выходъ изъ такого затруднительнаго положенія мистикъ находитъ въ послѣднемъ, уже не допускающемъ сомнѣній и колебаній, способѣ удостоверенія—способѣ внутренне-объективномъ, черезъ засвидѣтельствованіе Самого, зримаго въ мистическомъ воспріятіи, Высочайшаго Объекта: „съ сего времени, т. е. послѣ удостоверенія отъ духовнаго отца, которое, вѣдь, нераздѣльно съ самостоятельнымъ углубленіемъ мистика въ Св. Писаніе,—болѣе и болѣе очищается онъ (т. е. мистикъ) и, очищаясь, пріемлетъ дерзновеніе и спрашиваетъ Самого Явившагося, говоря: Ты — Богъ мой? Тотъ отвѣчаетъ: Я — Богъ, содѣлавшійся человекомъ для тебя, чтобы и тебя сдѣлать богомъ,—и вотъ, какъ видишь, сдѣлалъ и буду дѣлать“ (сл. 63, II, 118) ²⁾.

Вотъ всѣ способы удостоверенія мистика въ томъ, что

¹⁾ Ср. сл. 16, I, 157=Mg. 17 от. 396 BC и сл. 17, I, 161—162=Mg. 12 от. 371 BC: наличность сосредоточенной и благоговѣйной молитвы служить еще важнымъ признакомъ „здоровости“ мистическаго опыта; еще зрѣніе простоты и свѣтлости своего ума, ср. сл. 59, II, 69, Ал. XXXIII, безстрастіе его, ср. сл. 3, I, 37=Mg. 21 от. 415 A.

²⁾ Ср. сл. 90-е, II, 487, Ал. XXXV; сл. 91-е, II, 499=Mg. div. am. cap. XL, 599 D—600 B, Ал. LXXVI и др. мѣста; см. *Holl*, s. 40.

его мистическій опытъ—истиненъ, что онъ „здоровъ духовно“: 1) внешне-опосредствованный, чрезъ духовнаго отца; 2) внутренне-опосредствованный, чрезъ сопоставленіе главнымъ образомъ направленія своей воли съ указаніями Св. Писанія; 3) субъективно-непосредственный, основывающійся на свидѣтельствѣ внутренняго чувства мистика, и 4) объективно-непосредственный, непоколебимо утверждающійся на свидѣтельствѣ Самого зримаго Объекта.—Все эти четыре важнѣйшіе момента въ процессѣ самоудостоверенія мистика преп. Симеонъ прекрасно отгѣняетъ въ своемъ словѣ „о томъ, что опасно для души скрывать талантъ, или данную отъ Бога благодать...“ (у еп. Теофана слово 89, II, 470 и сл., АН. XXXIV ¹⁾): „когда одинъ духоносный человекъ, ищетъ св. отца, извѣстивъ меня писаніемъ, что въ одномъ мѣстѣ находится сокровенное сокровище Божественныхъ Писаній, то я не побѣдился подняться и пойти испытать и увидѣть, что тамъ такое, прося и *онаго святаго мужа быть мнѣ помощникомъ и содѣйствователемъ* (1-й моментъ). Для лучшаго успѣха я оставилъ всякое другое занятіе и дѣло относительно настоящей жизни, и *пошелъ на то мѣсто, гдѣ, какъ показалъ мнѣ Писаніемъ тотъ добрый человекъ, находится сокровище*,—и пришедши, началъ рыть землю, не переставая день и ночь и не жалея никакихъ трудовъ и потовъ. Такъ рылъ я и выбрасывалъ вовъ землю, все болѣе углубляясь, пока наконецъ начало показываться сокровище и издавать свѣтъ вмѣстѣ съ землею (2-й моментъ). Наконецъ послѣ того, какъ потрудился много времени, роя и выбрасывая землю, *увидѣлъ я все сокровище* простертымъ, какъ полагаю, чрезъ всю землю, безпримѣсное и чистое отъ всякаго засоренія и запятнанія. Съ тѣхъ поръ, *смотря на сіе сокровище, я непрестанно кричу* тѣмъ, которые, не видѣвши, не вѣрують и потому не хотять копать и трудиться, и *говорю имъ такъ: идите, смотрите все*, которые просто и прямо не вѣрують Писанію Божественному. И дѣлаю такъ, подражая премудрому Соломону, который говоритъ: *нелестнѣ научихез, безъ зависти преподаю* (Прем. Солом. VII, 13). *Слыша это и я кричу: идите, научитесь, что не только въ будущей жизни, но и теперь въ настоящей лежатъ предъ*

¹⁾ Ср. также II, 117—118; изъ слова 63-го, уже не разъ приводимаго нами: здѣсь тоже изображается весь процессъ удостовѣренія отъ старца и самоудостоверенія мистика.

очами нашими, и предъ руками, и предъ ногами, неизреченное сокровище, которое выше есть всякаго начала и власти; идите увѣрьтесь и убѣдитесь, что это сокровище, о коемъ говорю вамъ, есть свѣтъ міра (3-й моментъ). — *И не самъ отъ себя я это говорю, но Само Сокровище Сіе, т. е. Христость, сказалъ и говоритъ: „Я есмь воскресеніе и жизнь“* ¹⁾; Я есмь сѣмя горчичное, скрываемое подъ землею; Я есмь камень драгоценный, который покупають вѣрные; Я есмь Царство Небесное, сокрытое внутри васъ. Какъ бываю Я видямъ теперь въ настоящей жизни тѣмъ, кои взыскали и обрѣли Меня, такъ и въ будущей жизни воссіяю въ нихъ и поверхъ ихъ всѣхъ, какъ сію теперь въ нихъ, будучи сокровенъ превыше всѣхъ небесъ. Я, будучи невидимъ по естеству, бываю вмѣстимъ въ васъ въ настоящей жизни по благодати. Я невидимый бываю видимъ, являюсь не каковы есмь, хотя и весь пребываю зримымъ, но сколько вмѣщаетъ естество и сила тѣхъ, кои видятъ меня. Я есмь закваска, и душа, которая приѣмлетъ Меня и влагаетъ въ три части свои, т. е. въ силы разумную, раздражительную и желательную,—вскисаетъ и дѣлается вся подобною Мнѣ; ибо что есть закваска, тѣмъ дѣлается и мука, которая смѣшивается съ нею вмѣстѣ съ водою и солию; вмѣстѣ со Мною Сыномъ есть и единосущный Мнѣ Отецъ и Его Утѣшитель, Всесвятой Духъ,—и Они бывають для души, что вода и соль для муки. Я есмь для рабовъ моихъ мысленный рай, вмѣсто чувственнаго, и въ сей мысленный рай Я вселю всѣхъ, которые вѣрують въ Меня и возрождаются благодатию Святаго Духа,—каковыя не могутъ болѣе грѣшить, и князь міра сего діаволь не имѣетъ надъ ними никакой власти и силы; ибо Я въ нихъ, и они во Мнѣ, и побѣждаютъ міръ, такъ какъ суть внѣ міра и имѣють съ собою Меня, сильнѣйшаго всяческихъ. Я ясмь свѣтовидный источникъ безсмертнаго потока и рѣки, въ каковомъ источникѣ моются водою, текущею изъ Меня, и очищаются душевно и тѣлесно отъ всякаго оскверненія, и начинаютъ сиять какъ свѣтила и какъ лучи солнца. всѣ тѣ, которые любятъ Меня отъ всей души. Я есмь солнце, мысленно зримое, и каждочасно восхожду, какъ солнце чувственное восходитъ утромъ, являя

¹⁾ Должно замѣтить, что курсивъ во всемъ этомъ текстѣ, отгѣвляющій важнѣйшія для характеристики каждаго изъ 4 моментовъ выраженія,—принадлежитъ намъ.

Себя достойнымъ, какъ прежде являлъ пророкамъ, которые, видя Меня, всегда славили и призывали, какъ говорить Давидъ: завтра услыши гласъ мой, завтра предстану Ти и узриши мя (Пс. V, 4),—и другой: тогда разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ (Исх. LVIII, 8),—когда, т. е., исполнишь и ты заповѣди Мои „(—здѣсь дается 4-й моментъ) 1).

А пользуясь указанными методами провѣрки своего мистическаго опыта, осторожный, серьезный и искренній мистикъ всегда сумѣетъ провести необходимую грань между мистикой истинной и ложной, безошибочно отличить истинное, подлинное мистическое воспріятіе, какъ плодъ живого благодатнаго воздѣйствія на душу, отъ ложнаго, т. е. мнимаго или искаженнаго, мистическаго воспріятія, какъ порожденія воображенія (не дисциплинированнаго или разстроеннаго) или какъ продукта экстатического состоянія (именно состоянія экстаза натуральнаго или патологическаго).

Что касается установленія подливности *мистическихъ видѣній и откровеній* 2), то самое важное здѣсь — это интересъ къ духовному, проникновеніе въ Св. Писаніе и сознательное стремленіе согласовать волю свою съ заповѣдями Божиими, освободивъ ее отъ порабощенія страстями. „Чѣмъ душа занята и о чемъ разглагольствуютъ наяву,— пишетъ преп. Симеонъ,—о томъ мечтаетъ или философствуетъ она и во снѣ: или проведши весь день въ заботахъ о дѣлахъ человѣческихъ, объ нихъ же суетится она и въ сновидѣніяхъ, или поучавшись все время въ вещахъ Божественныхъ и небесныхъ, въ видѣніе ихъ входитъ и во время сна и умудряется видѣніями, по пророку: юноши ваши видѣнія узрять (Іоиль въ Д. А. II, 17). И не прель-

1) См. сл. 89, II, стр. 478—480.

2) Ср. *Еп. Теофанъ*. Толкованіе 2 посл. ап. Павла къ Коринѣянамъ. М. 1882: г. 12, 1 — „Видѣніе и откровеніе здѣсь у апостола одну мысль содержатъ: откровеніе посредствомъ видѣнія. Откровеніе обнимаетъ все, что Богу угодно бываетъ открытъ намъ. Бываетъ оно умно, когда въ умъ влагается вѣдѣніе; бываетъ внѣшно, когда Богъ или ангелъ является и сказываетъ нужное; но бываетъ и посредствомъ видѣній. Видѣніе или въ образахъ представляетъ духовное, каково, напримѣръ, видѣніе Іезекиіля, Апокалипсиса, и требуетъ новаго откровенія въ умѣ, чтобы уразумѣть его; или оно есть видѣніе духовнаго міра въ его сущности, когда духъ человѣка необыкновеннымъ образомъ вземлетъ и вводится въ созерцаніе его, не въ образахъ, а какъ онъ есть. О такомъ видѣніи и разсказываетъ здѣсь св. Павелъ“, стр. 358.

дается ложными сновидѣніями, но сновидитъ истинное и поучается откровеніями...“ (гл. 176-я, II, 565—566 = Mg. 651 D.).—„У тѣхъ только бываютъ истинныя во снѣ видѣнія (ихъ не слѣдуетъ называть снами, а видѣніями),—которыхъ умъ благодатію Св. Духа сдѣлался прѣстъ и свободенъ отъ всякаго давленія со стороны страстей и отъ рабства имъ, у которыхъ вся забота и попеченіе о Божественномъ и все помышленіе о будущихъ наградахъ...“ (гл. 178, II, 566—567, ср. гл. 177, II, 566 = Mg. 651 D.—652 D.). Но какъ страстное или безстрастное настроеніе души мистика отражается на характерѣ его сновидѣній и откровеній во снѣ, такъ же то или иное настроеніе души сказывается и въ характерѣ и достоинствахъ его мистическаго опыта въ бодрственномъ состояніи: мистикъ долженъ глубоко вникать въ себя, старательно изощрять свое духовное око въ различеніи помысловъ, быть бдительнымъ и покорнымъ старцу для того, чтобы не преткнуться въ своемъ мистическомъ опытѣ, не искутиться призрачными образами своего собственнаго, полоненнаго чувственностью, воображенія или злыми помыслами и ложными видѣніями, внушенными ему отъ діавола, дѣйствующаго, главнымъ образомъ, на гордость и тщеславіе подвижника: „... и болѣе почтенные предъ другимъ людьми,—пишетъ преп. отецъ,—неразумно полагаютъ, будто тѣ мысли, какія они слагаютъ въ умѣ своемъ, суть созерцанія такого же достоинства, какъ и тѣ, которыя подаются достойнымъ только чрезъ озареніе Духа Святаго... Другіе, опять безъ чистоты сердечной углубляясь умомъ своимъ въ тайны Бога и богословствуя, когда услышатъ • Богъ, что какъ въ трехъ солнцахъ единое есть сіяніе свѣта, такъ и въ Пресвятой Троицѣ—едино сіяніе единаго Божества, тотчасъ воображаютъ въ умѣ своемъ три солнца, соединенныя по свѣту, т. е. по существу, и раздѣленныя по вѣпостасямъ, и полагаютъ немысленно, что они видятъ такъ Самое Божество, и что святая, единосущная и нераздѣльная Троица полно выражается симъ уподобленіемъ“ (сл. 80, II, 329 = All. LV). Въ другомъ мѣстѣ слова преп. Симеона мы читаемъ: „какъ же заболѣваетъ и страдаетъ душа? Отъ измѣненія ея помысловъ и стремленій, когда, будучи умною силою, устремляется она къ бессловеснымъ пожеланіямъ и неразумному гнѣву. Это же отъ чего бываетъ? Это бываетъ отъ сторонняго вліянія. Есть иныя мысленныя силы, демоны, которые

мысленно приближаются къ душѣ и искушаютъ ее, возмущая ея естественныя движенія: ибо она всегда находится въ движеніи, будучи по естеству прислѣдующа. Такъ, когда душа хочетъ зрѣть право, демоны наводятъ нѣкій мысленный мракъ и мѣшаютъ ей зрѣть право и непогрѣдительно, но призраки и фантазіи заставляютъ принимать за истину...“ (сл. 24, I, 220 = Mg. 10 orat., 364, B). Но для стяжанія истинныхъ, а не ложныхъ мистическихъ видѣній и откровеній особенно необходимо подвижающемуся хранить смиреніе, братолюбіе и послушаніе своему опытному старцу и тщательно избѣгать неразумнаго киченія своими духовными успѣхами, опасной (въ особенности на первыхъ стадіяхъ подвига) отъединенности и гордаго самочинія; именно послѣднія настроенія неуклонно ведутъ подвижника къ духовнымъ потрясеніямъ и даже катастрофамъ. Преп. Симеонъ свидѣтельствуемъ, что если кто останавливается на одномъ первомъ (изъ трехъ указанныхъ) образѣ вниманія и молитвы, то бываетъ вотъ что: „мало-по-малу молящійся такъ начинаетъ кичиться въ сердцѣ своемъ, самъ того не понимая; ему кажется, что дѣлаемое имъ есть отъ благодати Божіей въ утѣшеніе ему, и онъ молить Бога сподобить его всегда пребывать въ такомъ дѣланіи... Если онъ убезмолвится крайнимъ безмолвіемъ..., то ему едва ли можно не изступитъ изъ ума. Но если и случится, что не изступитъ онъ изъ ума, все же невозможно ему будетъ стяжать добродѣтели или безстрастіе. На этомъ пути стоя, прельщаются и тѣ, которые видятъ свѣтъ тѣлесными очами своими, обоняютъ благовопія обоняніемъ своимъ, слышатъ гласы ушами своими, и подобное. Нѣкоторые изъ такихъ възбѣсновались и въ безуміи ходятъ съ мѣста на мѣсто. Другіе прельстились, принявъ діавола, преобразившагося и явившагося имъ въ видѣ ангела свѣта, а они того не распознали, и остались неисправимыми до конца, не хотя слышать совѣта ни отъ какого брата. Иные изъ такихъ сами себя лишили жизни, бывъ подвигнуты на то діаволомъ; иные бросились въ пропасть; иные удавились. И кто можетъ пересказать разныя прелести, какими прельщаетъ ихъ дьяволъ, когда онѣ неисчислимы“... (сл. 68, II, 180—181=Mg. 702 B—703 A).

Такимъ образомъ, преп. Симеонъ старательно отличаетъ и разграничиваетъ истинныя видѣнія и откровенія отъ порожденія воображенія и привидѣній бѣсовскихъ, т. е. отъ

„визіонерства“. Здѣсь можно привести пояснительныя по этому поводу замѣчанія еп. Теофана Затворника изъ его „Писемъ о духовной жизни“, М. 1897: „въ естественномъ порядкѣ, или строѣ нашихъ силъ, на переходѣ отъ внѣ внутрь, стоитъ воображеніе. Надо благополучно миновать его, чтобы благополучно попасть на настоящее мѣсто внутри. По неосторожности, можно застрять на немъ и, оставаясь тамъ, быть увѣренными, что вошли внутрь, тогда какъ это только внѣшнее преддверіе, „дворъ языковъ“. Да это бы еще ничего, но этому состоянію всегда почти сопутствуетъ самопрельщеніе, а изъ него развивается визіонерство, съ его пагубными послѣдствіями... визіонерство, и какъ естественная болѣзнь душевная, и болѣе того, какъ дѣло врага, который не дремлетъ“ (стр. 141—142; 145—147) ¹⁾.

¹⁾ Ср. *Еп. Теофанъ*. „Начертаніе христ. правоуч.“ 1895 г., стр. 391—392. Здѣсь же будетъ уместно привести нѣкоторые данныя о видѣніяхъ и откровеніяхъ, особенно объ отличеніи истинно-божественныхъ видѣній отъ ложныхъ, *) изъ книги *Dr. Josef Zahn*. Einführung in die christliche Mystik, Paderborn, 1908, с. 508—556. Можно различать *три способа* откровеній и видѣній—1) *внѣшнія*, какъ бы тѣлесныя явленія, сопровождаемыя и словесными откровеніями; напр. видѣніе купины, ангела Товитомъ, ап. Павла на пути въ Дамаскъ; 2) откровенія при *помощи воображенія*, какъ видѣнія въ образахъ, и при нихъ словесныя внушенія, напр. видѣнія Даніила, Іезекииля, ап. Петра въ Юппіи и др., сны Іосифа и волхвовъ; такія откровенія чаще всего бываютъ во время вѣщихъ сновъ, и здѣсь нужна особенная осторожность, чтобы не впасть въ ошибку, ибо эта группа особенно близка къ міру феноменальному; 3) *чисто-интеллектуальныя* откровенія и видѣнія, получаемыя чисто-духовнымъ путемъ, безъ участія внѣшнихъ чувствъ и фантазіи. Вообще же трудно точно установить чисто-интеллектуальный характеръ видѣній, равно и отграничить видѣнія воплощенныя, „тѣлесныя“, отъ видѣній лишь воображаемыхъ. Кромѣ такого раздѣленія видѣній, можно привести еще другія, напр., видѣнія не только зримыя, но и разумѣаемыя, и видѣнія лишь зримыя, но еще не понимаемыя и требующія дальнѣйшихъ откровенныхъ поясненій (ср. выше у еп. Теофана); или откровенія, свидѣтельствующія истину вообще и лишь выполняющія опредѣленное частное порученіе; имѣющія значеніе лишь для самого тайнозрителя и назначенныя и для прочихъ людей, и т. п. Въ зависимости отъ этого устанавливаются и различіе терминовъ: такъ одни вполне отождествляютъ Vision и Erscheinung, а другіе первый терминъ относятъ къ области воображаемыхъ и чисто-интеллектуальныхъ явленій, а Erscheinung упо-

*) Ср. еще о видѣніяхъ—*Гербодингъ*. Философія религіи. СПб. 1905, стр. 165—видѣнія, какъ галлюцинаціи; *Лодыженскій*. Сверхсознаніе и пути къ его достиженію. СПб. 1911—видѣнія стр. 105 и сл.; видѣнія отъ діавола, стр. 119; духовныя видѣнія стр. 375 и сл.

Отъ видѣній и откровеній естественный переходъ къ состоянiю религiознаго экстаза, тѣснѣйшимъ образомъ съ

требляютъ лишь тогда, когда есть налицо что-либо реально-зримое; также подъ *Schauung* понимаютъ живое откровенное знанiе, а подъ *Offenbarung*—новое откровенное знанiе; или „откровение“ прилагаютъ къ открывающему Себя Богу, а „видѣнiе“ къ получающему откровенiе человѣку и т. д. Важный вопросъ: какъ объяснить самозаблужденiя и ошибки визионеровъ-мистиковъ? Конечно, ошибки эти нельзя ставить въ упрекъ Богу, Который, не насилуя свободы людей, мудро предоставилъ имъ различныя ступени духовнаго знанiя, а должно искать ихъ причины, главнымъ образомъ, въ личностяхъ визионеровъ, въ неправильныхъ дѣйствiяхъ ихъ памяти и воображенiя, и во влiянiяхъ окружающей среды, господствующихъ понятiй и взглядовъ, гдѣ человеческое незамѣтно вплетается (*sich verwebt*) въ Божественное. Подлинность истинныхъ „видѣнiй“, отличныхъ отъ ложныхъ иллюзiй и галлюцинацiй, можно устанавливать съ различныхъ сторонъ: 1) со стороны *содержанiя* откровенiй, которыя не должны быть незначительными, чисто-мiрскаго содержанiя, не должны стремиться къ суетной чудесности и противорѣчить нравственнымъ основамъ; 2) со стороны *лицъ*, которыя должны показывать свою христiанскую добродѣтель, въ обстановкѣ общественной и обычной христiанской жизни, быть смиренными, не уклоняться отъ самоислѣдованiя, проверки своего опыта авторитетами другихъ и, главн. образомъ, авторитетомъ Церкви, и не должны усиленно стремиться и добиваться такихъ откровенiй; 3) со стороны той *обстановки*, среди которой эти откровенiя получаются: такъ, не могутъ быть признаны истинными тѣ откровенiя или видѣнiя, которыя получаются среди искривленныхъ тѣлодвиженiй, излагаются безсвязною рѣчью, пренебрегаютъ размышленiемъ, осторожностью и нравственнымъ достоинствомъ; и, наконецъ, 4) со стороны протекающихъ изъ нихъ *последствiй*, именно: подлинно-божественныя откровенiя не могутъ вести къ фанатизму, а лишь къ героизму, не могутъ вести къ превозношенiю и раздорамъ, а лишь къ смиренiю и кротости, не могутъ вести къ нравственной отсталости или физическому умаленiю, а лишь къ духовному возрастанiю и тѣлесному укрѣпленiю. Указываютъ еще, кромѣ этихъ признаковъ, божье отрицательнаго характера, и прямо-положительныя основанiя за подлинную сверхчувственность и истинное достоинство мистическихъ откровенiй, именно вотъ признаки „добраго духа“—почитать Бога, держать правильную вѣру и во всемъ хранить умѣренность, чему противоположны—самовосхваленiе, невѣрiе и невоздержанность. Однимъ словомъ,—чѣмъ чище, смиреннѣе и простодушнѣе душа человѣка-визионера; чѣмъ меньше она гонится за сверхъестественнымъ; чѣмъ лучше она выдерживаетъ испытанiя на обыкновенныхъ путяхъ жизни; чѣмъ больше она также, по вклученiю необычныхъ откровенiй, пребываетъ въ смиренiи и вѣрности долгу; чѣмъ болѣе преуспѣваетъ она въ мужествѣ и въ геройской силѣ, въ дѣятельности и терпѣнiи; чѣмъ дальше, при помощи этихъ видѣнiй и откровенiй полученное, теоретическое и практическое разумѣнiе переходитъ предѣлы личнаго особенностей и влiянiй образованiя...; чѣмъ содержательнѣе и многостороннѣе то благотворное влiянiе, которое истекаетъ

нами связанному: дѣло въ томъ, что одни изслѣдователи (напр. *Мантегацца*. Экстазы человѣка, 1890, стр. 138 и слѣд.) видятъ въ откровенiяхъ и видѣнiяхъ одинъ изъ различныхъ моментовъ, характерныхъ элементовъ религiознаго экстаза, или одну изъ ступеней лѣстницы, ведущей къ экстазу (*ibidem* стр. 20); другiе усматриваютъ въ нихъ, въ извѣстномъ смыслѣ, низшую степень самаго экстаза (ср. *Beck. Die Ekstase* S. 46) ¹⁾, а третьи, указывая на тѣсную связь экстаза съ созерданiемъ, трактуютъ экстазъ, какъ соединительное звено между „созерданiемъ“ и „видѣнiемъ“ (*Zahn. Einführung in die chrst. Mystik*, S. 462 ff.). Прежде, чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнiю самаго вопроса объ отношенiи мистическаго ученiя преп. Симеона къ экстазу, попытаемся дать самое краткое изложенiе положительнаго философско-богословскаго ученiя о сущности религiознаго экстаза, что, по нашему разумѣнiю, необходимо, ибо вопросъ объ экстазѣ и самый непроясненный, и самый существенный для апологета православной мистики.

Экстазъ ²⁾ или „ужасъ“, изумленiе—такое состоянiе, когда „человѣкъ не владѣетъ своими чувствами, будучи восхищенъ въ мiрѣ духовный“ (бл. Теофилактъ); душа какъ бы „выступаетъ“ изъ тѣла, и человѣкъ впадаетъ въ то состоянiе, о которомъ говорили переживавшiе его пророки „бысть на мнѣ

отъ сверхчувственныхъ переживанiй какъ для отдѣльной души, такъ и для внутренняго устроенiя другихъ душъ, для роста Царства Божiя, — тѣмъ достовѣрнѣе можетъ быть высказанъ приговоръ отдѣльнымъ лицамъ о сверхъестественной причинности тѣхъ благодатныхъ откровенiй, при чемъ послѣднее, окончательное рѣшенiе водроса предоставляется Церкви, разъ церковный авторитетъ почтетъ за благо произвести изслѣдованiе чрезъ свои установленныя органы“ (S. 556).

¹⁾ Ср. *Beck. Die Ekstase...* высшая ступень экстаза отличается отъ видѣнiй—видѣнiя можно называть экстазами лишь постольку, поскольку съ извѣстными зрительными и слуховыми образами, кои сама-то же себѣ суть нѣчто неэкстатическое,—соединяются опредѣленныя страсти или сильныя аффекты. Если эти образы выступаютъ на первый планъ, это знакъ, что визионеръ переживаетъ не высшую ступень экстаза. S. 46—47.

²⁾ Говоря здѣсь объ экстазѣ, мы говоримъ, собственно, не объ экстазѣ вообще, а имѣнно о религiозномъ экстазѣ, и дѣлаемъ это вполне сознательно, ибо, по нашему убѣжденiю, религiозный экстазъ, взятый въ своей совершеннѣйшей формѣ, есть самый интенсивный, самый полный (цѣлостный) и самый возвышенный изъ всѣхъ экстазовъ: вѣдѣ, объектъ его есть Богъ—полнота истины, добра и красоты. Ср. *Мантегацца*. Экстазы человѣка. СПб. 1890 г., I стр. 27—28; 29; 198 и II ч. стр. 130—131.

рука Господня“ (Езек. VIII, 3) и „быхъ азъ въ душѣ“ (Апок. I, 10). Итакъ, дѣйствительная сущность экстаза есть чрезвычайное, сверхъестественное внутреннее восхищеніе человѣка; это—самая существенная и характерная черта его, изъ которой, какъ слѣдствіе сверхъобычнаго духовнаго подъема, вытекаетъ вторая черта—„замиреніе“, или остановка чувствъ, главн. обр., внѣшнихъ чувствъ, могущая имѣть и различную интенсивность, и различную продолжительность; наконецъ, третья черта экстаза—его неизреченность, полная непостижимость для обыденнаго сознанія главнѣйшимъ образомъ того, какъ въ этомъ высокому духовному подъему принимаетъ участіе тѣлесная сторона человѣка, т. е. какъ бы нарушение обычнаго для настоящей земной жизни человѣка психофизическаго параллелизма ¹⁾).

¹⁾ При изложеніи ученія о религиозномъ экстазѣ мы придерживались гл. обр. книги проф. Цана: *Zahn. Einführung in die christliche Mystik, Paderborn, 1908, ss. 462—486* п. сл. Можно еще указать на опредѣленіе мистическаго экстаза у *Eisler'a. Wörterbuch der philosophischen Begriffe, Berlin 1904, I, ss. 245—246*. Кроме того, мы пользовались здѣсь сочиненіями *Мантегацца* (русск. пер. 1890 г.), *Leuba (1902)* и *Beck (1906)* *). Последній въ своей книгѣ „Die Ekstase“, 1906 г., даетъ такое изображеніе сущности экстаза вообще и религиознаго экстаза въ частности: „пожъ экстазомъ я разумью, ипшетъ онъ, рядъ сосуществующихъ состояній сознанія, раз-

*) Еще объ экстазѣ, преимущественно религиозномъ, см. *Гейфдингъ. Философія религіи*, стр. 292; *Рабо. Психологія чувства*, изд. русск. перев. 1898 г., стр. 351—352; *Дю-Прель. Философія мистики или двойственность чело. существа*. СПб. 1895 г., какъ можно объяснить самозабвеніе въ экстазѣ?—стр. 461—464, ср. 477.—*Вл. Соловьевъ*, соч. изд. 1, т. I, стр. 284: ложный мистицизмъ и слияніе въ экстазѣ; *В. Джелмъ. Многообразіе религ. опыта*. Москва, 1910: религ. экстазъ, 20—21, ср. 241 и стр. 376—387; состояніе восторга, *гартус* 401—402; *его же*: Зависимость вѣры отъ воли, СПб. 1904 ср. стр. 155—характеръ экстатического единенія и 338—342—опьяненіе отъ закиси азота, какъ видъ экстатического состоянія; *Лодыженскій. Сверхсознаніе* СПб. 1911: экстазъ, стр. 142 и сл.; *пзступленіе*, стр. 339 и сл.; 366—370 и *его же*: Свѣтъ незримый. СПб. 1912—состояніе экстаза, 80, 120; 193 и сл.—описаніе экстаза у Симеона Н. Б. и отличіе православнаго экстаза отъ экстаза Плотина 208—209; *П. Мининъ. Мистицизмъ и его природа*. Сергіевъ Посадъ. 1913, стр. 5 и сл.: экстазъ, какъ центръ мистич. жизни; основныя черты экстаза стр. 29 и сл.; *И. Радченко. Религ. и литературное движеніе въ Болгаріи въ эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ*. Кіевъ. 1898 г. стр. 77; Григорій Синаитъ объ экстазѣ и св. Палама, стр. 115 и сл.—*Иером. Теоодоръ. Аскетич. воззрѣнія преп. I. Кассіана*. Казань. 1902 г., стр. 332; *Deutsch, R. E. 634*, п. др.

Такимъ образомъ, въ состояніи религиознаго экстаза намѣчаются три момента, которые болѣе подробно можно охарактеризовать въ такихъ чертахъ: 1) постепенное отдѣленіе отъ окружающей обстановки чувственнаго міра опредѣлится, какъ постепенное освобожденіе отъ подчиненія категоріямъ пространства и времени, кои, какъ извѣстно, подчиняютъ себя весь чувственный опытъ, при чемъ пространство является,

личныхъ по качеству и интенсивности“. Общій признакъ—отсутствіе противоположенія „я“ и „не я“, „я“ и внѣшняго міра“, субъекта и объекта, живая тождественность послѣднихъ. Главнѣйшіе признаки экстаза: 1) исчезновеніе самосознанія; 2) утрата сознанія времени и пространства и 3) отсутствіе всякихъ представленій и понятій, а слѣд и невозможность адекватнаго изображенія экстаза словами. Эти отрицательные признаки экстаза дополняются чрезъ указаніе на сродныя съ экстазомъ состоянія. Это, съ одной стороны,—безсознательность, лишеніе сознанія: хотя сознаніе вообще и сознаніе объ „я“ и „внѣшнемъ мірѣ“ очень близки, но экстазъ не есть безсознательность; съ другой стороны, экстатическое состояніе граничитъ съ сильными аффектами, какъ бѣшенство, ярость, паника, сладострастіе и т. п., и съ душевными состояніями, которыя мы называемъ „дантыми настроеніями“; гдѣ же господствуютъ представленія, тамъ состояніе дальше отъ экстаза. Для того, чтобы вѣрно понять описаніе экстатического состоянія, необходимо самому хоть отчасти пережить что-либо подобное. См. ss. 26—28 и сл. до с. 82, и даѣе отъ 83 до 144.—Главная суть религиознаго экстаза не представленія и понятія, которыя суть лишь оболочка, а внутреннее зерно—слиянiе „я“ и „внѣшняго міра“, субъекта и объекта въ чувствѣ безконечнаго. Это состояніе слиянія „я“ и „внѣшняго міра“ можетъ имѣть различную степень интенсивности, а интенсивность мѣрится отношеніемъ сверхсознанія къ чувственному сознанію; здѣсь намѣчается пять ступеней: средняя; именно—ихъ равенство; на 2-хъ высшихъ ступеняхъ превышаетъ сверхсознаніе, а на 2-хъ послѣднихъ—чувственное сознаніе. Такимъ образомъ, мы имѣемъ слѣдующіе моменты религиознаго сознанія: 1) созерцаніе Бога, экстазъ въ собственномъ сознаніи; 2) любовь къ уничтоженію личности, близкое къ отсутствію сознанія; 3) любовь къ Богу и сознаніе полной безцѣвности временнаго и земнаго, гдѣ есть лишь понятіе отождествленія „я“ и „внѣшняго міра“, но нѣтъ полнаго слиянія; 4) миръ въ Богѣ—какъ бы равенство въ сознаніи себя и сотвореннаго Богомъ міра, но не отождествленіе; 5) вѣра (въ смыслѣ довѣрія) въ Бога, какъ низшая ступень, ибо полагаетъ уже отдѣленіе личности отъ Бога, единеніе съ Богомъ здѣсь уже не самоцѣль, истинная же подпочва отношеній „я“ и „внѣшняго міра“ здѣсь—интересы временныя; наконецъ 5) понятія Провидѣнія и Промысла, гдѣ полное отдѣленіе личности отъ Бога—міра, и гдѣ самая малая степень экстастичности. Но, принимая во вниманіе это ученіе Бекка объ экстазѣ, слѣдуетъ пояснить, что его взгляды пропитаны эволюціонизмомъ и пантеизмомъ, что увидимъ мы еще ниже.

вѣдь, формой для всего чувственного внѣшняго опыта, а время—и для внѣшняго, и для внутренняго чувственного опыта; 2) постепенное и прочное, до поглощенности, сосредоточеніе мысли на идеяхъ духовнаго міра, съ постепеннымъ ослабленіемъ внѣшнихъ чувствъ, впечатлѣній и образовъ, и внутреннихъ чувствованій, и съ усиленіемъ аффективной стороны душевной жизни (въ постоянной связи съ идеей Бога),—приводитъ мистика-экстатика къ блаженному состоянію „умиротворенія“ мысли, ея живой цѣлостности, каковое состояніе, для земной суетной жизни столь необычное, экстатикъ и характеризуетъ, какъ высшее обычныхъ представленій и понятій и, потому, какъ бы ихъ исключяющее, „неизреченное“, что вполне понятно, ибо нашъ языкъ служитъ, главнымъ образомъ, для изображенія внѣшняго чувственного міра и отношеній къ нему нашего „я“ и, какъ мало приспособленный и разработанный въ этомъ отношеніи, является недостаточнымъ для изображенія высшихъ духовныхъ состояній; 3) наконецъ, самый главный и основной элементъ религіознаго экстаза—чрезвычайное восхищеніе духа человѣка въ міръ „иной“, которое раскрывается, какъ „соединеніе съ Богомъ и блаженное въ Немъ пребываніе“, и въ которомъ гармонически объединяются три основныя тенденціи ¹⁾—1) достиженіе въ созерцаніи высочайшаго наслажденія, своей цѣлостностью, интенсивностью, нѣжностью и непосредственностью напоминающаго проявленія высочайшей половой любви; 2) обрѣтеніе въ Богѣ прочной опоры, благодатной помощи и тихаго усюдоженія и, наконецъ, 3) стремленіе, соединившись съ Богомъ, посылно уподобиться Ему, достигнуть святости, преобразовать свою душу и всю свою жизнь въ соответствии съ Божьей волей.—Здѣсь должно замѣтить, что въ такомъ порядкѣ можно расположить составляющіе экстазъ элементы, если разсматривать его, какъ процесъ; если же взять

¹⁾ См. *Leuba* статья въ *Revue philosophique* 1902, LIV, p. 459—487: его ученіе объ основныхъ тенденціяхъ въ религіозномъ экстазѣ. *Leuba* отмѣчаетъ четыре тенденціи—1) тенденцію къ органическому наслажденію; 2) тенденцію къ умиротворенію мысли чрезъ объединеніе или редукцію; 3) тенденцію къ отысканію аффективной опоры и 4) тенденцію къ универсализаціи воли или реорганизаціи души въ соответствии съ волей Божьей. Удовлетвореніе первой тенденціи даетъ наслажденіе, второй—миръ, третьей—силу довѣрія, а четвертой—двойной миръ отъ чувства облагороженія, отъ радостнаго сознанія исполненія нравственнаго долга, — p. 484.

экстазъ въ состояніи полнаго его раскрытія, то различаемые въ немъ моменты расположатся, какъ уже указали мы выше, слѣдующимъ образомъ, въ зависимости отъ важности момента и вліянія его на другіе: духовное восхищеніе, освобожденіе отъ чувственного міра и неизреченность. Религіозный экстазъ имѣетъ весьма важное, можно сказать—главенствующее значеніе въ области христіанской мистики и, затѣмъ, христіанской религіи вообще ¹⁾, ибо мистика—сердце религіи: „экстазъ—говоритъ одинъ изслѣдователь—резюмируетъ въ себѣ всю религіозную мистику, и мы даже утверждаемъ, что изслѣдованіе о христіанскомъ мистицизмѣ есть, въ общихъ чертахъ,—этокъ о христіанской религіи вообще“ ²⁾. Можно различить три вида религіознаго экстаза (какъ и экстаза вообще): 1) натуральный, или природный, возбуждаемый въ душѣ человѣка особымъ дѣйствіемъ на нее естественныхъ причинъ, напр. вліяніе красотъ природы, величіе человѣческой исторіи или отдѣльной человѣческой личности, вліяніе музыки, ритма и т. п.; 2) патологическій или болѣзненный, возникающій при ненормальныхъ условіяхъ психофизической жизни человѣка, на примѣръ, на почвѣ истеріи или гипноза, или вызываемый, на примѣръ, какими-либо искусственными средствами—наркотическими ядами, священными дикими танцами, специальной музыкой и т. п.; и 3) благодатный,

¹⁾ Ср. *Beck* (*Die Ekstase*, 82), между прочимъ, говоритъ, что то слово и важнѣйшее, чѣмъ высшія религіи—христіанство, исламъ и буддизмъ—отличаются отъ древнѣйшихъ религіи, покоящихся на мнелогіи и культѣ, и есть экстатическіе моменты въ нихъ.

²⁾ Ср. *Leuba* (уже цитов. статья, p. 489—486); вѣдь, въ христіанской религіи также замѣчается стремленіе сосредоточить свою мысль на идеѣ Бога для освобожденія отъ власти міра, замѣчается такое же оцѣнѣварящее дѣйствіе моноидеизма: душа входитъ въ самое себя и обрѣтаетъ вожделѣнный міръ и т. п.; но все это съ меньшей интенсивностью, чѣмъ въ состояніи экстаза. Вообще, „религіозное состояніе, говоритъ *Leuba*,—до преимуществу есть, согласно мистикамъ, любовный трансъ (*une transe amoureuse*), проникнутый господствующей идеей Бога—Святости (*dominée par l'idée tendancielle Dieu—Sainteté*, p. 486). Общечеловѣческая мудрость видитъ въ религіи, а слѣд. и въ мистицизмѣ, одно изъ величайшихъ средствъ къ тому, чтобы дать торжество самымъ для человѣческаго сердца дорогимъ желаніямъ, и, съ точки зрѣнія мотивовъ, „религія христіанская, слѣд. и христіанскій мистицизмъ, есть нѣчто совершенно рациональное“ (*parfaitement rationnel*, p. 486), а не трансцендентное (слѣдуетъ замѣтить, что послѣдній шриговоръ весьма характеренъ для французскаго изслѣдователя).

сверхъестественный, который есть духовно-цѣнное и духовно-здоровое явление, имѣющее аналогию въ области здоровой, но повышенной духовной жизни, и который создается творческимъ дѣйствіемъ Божественной благодати на человека, въ частности на его природный экстазъ: послѣдній служитъ для благодати приемникомъ, орудіемъ, и чрезъ нее возвышается, усовершенствуется и преображается¹⁾. Здѣсь можно

¹⁾ Признание благодатнаго экстаза, сверхъестественной въ немъ стихіи,—есть отличительный признакъ церковной, православной мистики. Сторонники же научнаго эволюціонизма стараются все явленія въ мистическомъ экстазѣ объяснить изъ чисто-естественной, природной основы безъ участія всякаго трансцендентнаго фактора: мы уже видѣли подобную тенденцію у Леуба. То же находимъ и у Бекка (цитов. соч. с. 49—50): по его теоріи экстазъ вообще есть возвращеніе, ниспаденіе въ то первоначальное состояніе сознанія, въ то „досознаніе“, которое предшествовало дифференціаціи въ современномъ человѣческомъ сознаніи „я“ и „внѣшній міръ“. Это чуждое состояніе сознанія исчезло, уступая натиску разумной обдуманности и раздраженія,—какъ древній материкъ скрывается подъ волнами моря; и какъ изъ моря выдаются острова—вершины прежнихъ горъ, такъ и теперь, среди моря нравовъ и разума, возможны прежнія инстинктивныя состоянія человѣка-животнаго, прорываются, въ минуту наибольшаго напряженія борьбы за существованіе, экстатические аффекты въ борьбѣ, въ страсти, въ паникѣ и т. п. Мистики—это вождясы, опускающіеся въ глубину на морское дно (экстазъ), которое имѣетъ съ выдающимися на поверхность островами природную связь; но, какъ острова не суть вполне прежнія горныя вершины, а изменены дѣйствіемъ моря, такъ и аффекты не суть самый экстазъ, а лишь родственны ему. Ср. также ss. 65—66. Къ такой же категоріи авторовъ изслѣдованій о природѣ экстаза слѣдуетъ, полагаю, отнести и проф. *Ив. Ив. Лапшина* съ его взглядами на суть экстатического состоянія, высказанными въ брошюрѣ „Вселенское чувство“, изд. Вольфа, Спб. 1911 г.: по мнѣнію проф. Лапшина, у мистицизма есть лишь „иллюзорное познаніе“, которымъ онъ претендуетъ замѣнить рациональное познаніе, и „мистическое воспріятіе, которымъ такъ дорожатъ мистики, есть душевное состояніе, лишь родственное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ чрезвычайнo важнымъ, человѣчески значительнымъ психическимъ процессамъ интеллектуальнаго и аффективнаго порядка“ (29—30 стр.), именно—„если попытаться перевести темную рѣчь мистиковъ на общепонятный философскій языкъ и для этой цѣли придать тѣмъ отрицательнымъ признакамъ „мистическаго“ воспріятія, которые выставляются мистиками, не абсолютное, а относительное значеніе..., то описываемое ими душевное состояніе (т. е. экстазъ) окажется сходнымъ съ психическимъ явленіемъ, которое можно назвать, по примѣру Дюринга, „универсальнымъ аффектомъ“ или „вселенскимъ чувствомъ“, и заключающимъ въ себѣ слѣдующіе признаки: 1) мысль о наивысшихъ цѣнныхъ состояніяхъ, имѣющихъ постоянное значеніе для меня и для всѣхъ осталь-

допустить гармоническое соединеніе натурального и сверхъестественнаго момента въ экстазѣ: ихъ связываетъ единство сознанія экстастика. Съ признаніемъ этой гармоніи соединенія двухъ факторовъ разрѣшается и трудная проблема о томъ, остается ли у экстастика свобода и возможность нравственной заслуги: здѣсь самымъ настоятельнымъ образомъ предполагаются и свобода, и нравственная вмѣняемость, ибо благодать, дѣйствуя въ экстазѣ, прежде всего направляетъ, возвышаетъ и восполняетъ естественныя силы человѣка, осуществляя законъ духовной жизни, гласящій, что „сверхънатуральное строится на натуральномъ“. Мало того: лишь признаніе этой свободы и отвѣтственности даетъ возможность отличить истинный, святой и благодатный экстазъ, какъ святое всецѣлое единеніе съ Богомъ,—отъ сходныхъ съ нимъ состояній самообольщеннаго фанатизма или болѣзненной экзальтаціи,—отъ экстаза только природнаго и отъ экстаза патологическаго. Кромѣ этихъ, есть еще и другіе, какъ положительные, такъ и отрицательные признаки и критеріи для установленія этого важнаго въ области мистики разграниченія и его провѣрки¹⁾. И вотъ, въ виду, во-пер-

ныхъ людей, а также и другихъ живыхъ существъ... 2) конкретное содержаніе сознанія въ видѣ представленій, иллюстрирующихъ эту мысль...; 3) чувство блаженства, радости, восхищенія...; 4) самозабвеніе, поглощенность вниманія созерцаемымъ образомъ...; 5) мысленная, а не фактическая отрѣшенность отъ данныхъ условий пространства и времени...; 6) чувство мощи... и 7) чувство гармоническаго покоя... (см. 31—34 стр.).
¹⁾ Ср. *Zahn. Einführung in die christl. Mystik*, ss. 495—503: положенія, являющія несомнѣнные признаки *противъ* сверхъестественнаго характера экстаза: 1) наступленіе экстатическихъ феноменовъ у *начинающихъ духовную жизнь*, у которыхъ, какъ правило, нельзя ожидать сверхъприродныхъ мистическихъ оснѣній, тогда какъ обычная на этой начальной стадіи интенсивность душевной дѣятельности и непривычка къ должному различенію внутреннихъ состояній могутъ вести къ естественнымъ состояніямъ экзальтаціи и душевнаго утомленія; 2) *частое повтореніе* экстазовъ, особенно если они осуществляются на виду; 3) *правильная періодичность*, такъ какъ это обстоятельство обыкновенно ставитъ въ тѣснѣйшую связь съ патологическими расположеніями; 4) *произвольность*—въ томъ смыслѣ, что экстастикъ по своему желанію выпадаетъ въ экстазъ и выходитъ изъ сего состоянія; 5) *нескромность*—будь то въ видѣ дикаго крика, бурныхъ конвульсій или въ нарушеніи приличія вообще; 6) уменьшеніе или *обтѣдненіе внутренней жизни*, напр. дѣятельность съ чисто—мірскими цѣлями или соединенная съ бессмысленными трудностями, тѣмъ болѣе—спутанность мыслей или вообще помраченіе духа, а также 7) *полная внутренняя пустота*, полнѣйшее

выхъ, того, что истинный экстазъ такъ легко смѣшать, при отсутствіи достаточной осмотрительности, съ ложнымъ; вторыхъ, того, что подлинный экстазъ есть плодъ свободнаго вoadдѣйствія на душу человѣка благодати Св. Духа, и,

лишеніе сознанія и памяти; 8) наконецъ, *уменьшеніе нравственной энергии* экстастика, будь оно до или послѣ или даже во время самаго экстаза; 9) если назвать еще *очевидное разстройство телесной жизни* (какъ основную причину или какъ сопровождающее явленіе),—то будетъ почти полный перечень признаковъ, важныхъ для устранения ошибокъ въ распознаваніи экстазовъ (с. 495). Самое лучшее предохраненіе противъ того, чтобы спутать экстазъ съ похожими лишь состояніями, напр. съ проявленіемъ истеріи,—это *христіанскія добродѣтели, безъ которыхъ невозможенъ „святой экстазъ“*; именно здѣсь можетъ имѣть мѣсто аксіома, что „дерево узнается по плодамъ его“, такъ и „духъ“ истиннаго экстаза можно характеризовать признаками, данными, напр. въ Книгѣ Премудрости Соломоновой, гл. VП, 22—23. Благодатные дары Св. Духа должны носить въ себѣ хоть отчасти печать Божественнаго ихъ Раздаятеля, что должно обнаружиться въ слѣдующемъ: 1) соединеніе съ высокимъ избраннымъ простоты, естественности; 2) радость о всемъ сотворенномъ и горячая ревность о Божественномъ, безъ утраты, однако, сердечнаго мира; 3) постоянно возрастающее обогащеніе души свѣтомъ и дѣятельной силой, важными познаніями и плодотворными стремленіями...; 4) возрастающая гармонія внутренней и внѣшней жизни (с. 501). Примѣры святыхъ — ихъ житія и высокая духовная дѣятельность—показываютъ намъ истинную дѣву подлиннаго экстаза; они вели строгую жизнь, исполненную нравственнаго героизма. И если экстазъ не есть основная причина святости, то онъ не оставался безъ сильнаго и опредѣленнаго вліянія на всю картину жизни и дѣятельности святыхъ людей (с. 503). Къ этимъ указаніямъ *Жана* замѣтимъ еще отъ себя слѣдующее касательно различія экстаза благодатнаго, или истиннаго мистическаго воспріятія, отъ состоянія экстаза натуральнаго: первое состояніе—сверхприродно, трансцендентно, а второе—совершенно естественно, имманентно порядку этого міра; первое состояніе отличается характеромъ данности, оно—главнымъ образомъ объективно, и объектомъ воспріятія въ немъ является Божество, а второе состояніе—преимущественно субъективно, въ немъ дѣло главнымъ образомъ идетъ о человѣческихъ душевныхъ переживаніяхъ; затѣмъ мистическое воспріятіе вытекаетъ изъ мотивовъ религіозно-нравственныхъ и относится къ области „должнаго“, а состояніе натуральнаго и, близкаго къ нему, патологическаго экстаза только пріятно, ибо „въ немъ человѣкъ испытываетъ прелести земнаго рая“ (Мантегацца, стр. 19). Наконецъ, мистическое воспріятіе не столько порываетъ съ естественной жизнью, сколько именно возвышается надъ ней, ему неизмѣнно предшествуетъ нравственный подвигъ и оно всегда соединяется съ постоянной и строгой самопровѣркой, натуральный же, неблагоприятный, и патологическій экстазъ прямо порываетъ съ обычной нормальной жизнью, къ нему человѣкъ идетъ иногда даже путемъ порока и прямо ищетъ въ немъ самозабвенія.

въ-третьихъ, что состояніе истиннаго экстаза есть, въ сущности, лишь предвосхищеніе, предвареніе нашего будущаго прославленнаго состоянія,—Православная Церковь несклонна къ *культу* религіознаго экстаза ¹⁾, какъ такового, а, стараясь мудро поднять общій уровень религіозно-нравственной жизни людей, пребываетъ въ упованіи, что на этой распаханной нивѣ духовной, въ угодное Богу время, самъ собою произрастетъ дивный райскій цвѣтокъ — подлинный, истинный религіозный экстазъ.

Это религіозно-философское ученіе объ экстазѣ должно провѣрить ученіемъ библейски-святоотеческимъ. Въ Св. Писаніи можно найти слѣдующія указанія на экстастическія состоянія: въ Ветхомъ Заветѣ, напр., псалмы XXX, 23 и CXV 1—3, Іезекииль, VIII, 1—3; Давидъ, X, 8 и сл.; VIII, 17—27 и др.; и въ Новомъ Заветѣ—особенно Д. А. X, 9 и сл.; Д. А. XXII, 17—21 и 2 Кор. XII, 1—4, гдѣ содержатся описанія экстазовъ, пережитыхъ апостолами Петромъ и Павломъ ²⁾; изъ св. отцовъ о состояніяхъ религіознаго мистическаго экстаза большую часть писали, конечно, св. отцы-аскеты, какъ преп. Макарій В., Нилъ Синайскій, преп. Симеонъ Н. В. и др. особенно же подробно раскрылъ ученіе о мистическомъ экстазѣ преп. Исаакъ Сиринъ ³⁾; наконецъ много матеріала

¹⁾ Ср. Zahn. Einführung in die christ. Mystik. S. 479.

²⁾ Ср. Zahn. Einführung in die christ. Mystik. S. 462—467.

³⁾ См. въ изслѣдованіи *проф. С. М. Зарина*. Аскетизмъ по православно-христіанскому ученію. Т. I, кн. 2-я, СПб. 1907, стр. 460—463: *по ученію преп. Исаака С.*, отъ внутренней, „чистой“ молитвы человѣкъ возносится Св. Духомъ „къ созерцанію“, которое называется „духовнымъ видѣніемъ“, „умнымъ видѣніемъ“, „изумлепіемъ“ или „восхищеніемъ“, „экстазомъ“. Въ этомъ состояніи „экстаза“ въ человѣкѣ не дѣйствуетъ какое-либо движеніе и память о здѣшнемъ..., уже молитва оставляется—и „не молитвою молится умъ, но бываетъ въ восхищеніи при созерцаніи непостижимаго и умолкаетъ въ невѣдѣніи всего здѣшняго. Но это невѣдѣніе выше вѣдѣнія.. Иное дѣло молитва, а иное—созерцаніе въ молитвѣ, хотя созерцаніе заимствуетъ себѣ начало въ молитвѣ, а равно и молитва—въ созерцаніи“... Въ состояніи „экстаза“ природа не въ силахъ имѣть надъ собою власти, „но путеводится иною силою, сама не зная куда, и не можетъ совершать движеній мысли, въ чемъ бы ей хотѣлось“. Тогда человѣкъ не имѣетъ и хотѣнія. Онъ настолько плѣненъ, что „не сознаетъ самъ себя“. Умъ „поражается и поглощается изумлепіемъ, забываетъ о собственномъ своемъ прошеніи, и въ глубокое упоеніе погружаются движенія его“. Это состояніе—собственно принадлежность будущаго вѣка.—По ученію Св. Писанія нѣтъ безсознательнаго

по этому вопросу находимъ мы и у нашего отечественнаго подвижника послѣднихъ временъ, преосвящ. Теофана Затворника, богословствующаго въ строго-святоотеческомъ наравленіи ¹⁾). На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, экстазъ (экста-

экстаза; такъ разъясняется у проф. Зарина (см. *ibidem*, стр. 466 примѣч.) видѣніе ап. Павла (2 Кор. 12, 1—4) и такъ, по нашему разумѣнію, должно понимать и ученіе преп. Исаака объ экстазѣ, именно—пункты о „неподвижности ума“, о „плѣненіи его“ и о „незнаніи себя“: здѣсь прежде всего 1) констатируется совершенное поглощеніе вниманія созерцаемымъ и его необычностью; 2) забвеніе о себѣ, но остается принципиальная возможность самосознанія и, если нужно, то человекъ можетъ опознать себя, возвратиться въ себя; кромѣ того, 3) здѣсь—безусловное выходненіе за предѣлы темереннаго существованія и приобщеніе къ *новому порядку* и жизни, и познанія, слѣд. и соотношенія субъекта и объекта, самосознанія къ Абсолюту. Вообще, здѣсь больше основанія сблизать ученіе преп. Исаака съ данными Св. Писанія и, въ частности, ап. Павла, чѣмъ съ воззрѣніями неоплатонизма (см. Заринъ, стр. 467 прим.), такъ что относительно даннаго пункта въ ученіи преп. Исаака С. можно повторить слова проф. Зарина относительно 2 Кор. 12, 4: „въ экстатическомъ состояніи духовная личность апостола оставалась неприкосновенною; его самосознаніе не помрачалось и не ослаблялось, а, напротивъ, достигало высшей степени интенсивности. Если же апостолъ не зналъ и не могъ сказать, въ тѣлѣ ли или же внѣ тѣла онъ испыталъ такое экстатическое состояніе, то это обстоятельство свидѣтельствуетъ только о силѣ сосредоточенности его сознанія и вниманія на открываемыхъ ему истинахъ, такъ что тѣлесная жизнь не заявляла о себѣ какими-либо ощущеніями, которыя бы могли отвлечь вниманіе апостола отъ его сосредоточенности на созерцаніи высшихъ тайнъ“, см. стр. 465—466, прим. 38-е. Такъ же можно понимать и ученіе преп. Исаака о „неподвижности ума“, его бездѣйственности и связанности въ состояніи мистическаго экстаза.

¹⁾ См. „*Письма о духовной жизни*“, „*Начертаніе христ. нравоученія*“ и „*Путь ко спасенію*“. Изъ перваго сочиненія еп. Теофана мы можемъ извлечь для ученія объ экстазѣ слѣдующія данныя: сущность созерцательной или духовной молитвы (т. е. экстаза въ положительномъ смыслѣ)—плѣненіе ума въ горній міръ (45), все въ душѣ молчитъ, какъ бы нѣтъ въ ней ничего опредѣленнаго (49); эта молитва подается по временамъ избраннымъ Божиимъ (113), и есть высшее состояніе молитвенное (132); если экстазъ (ложный) есть умоизступленіе, самозабвеніе и утрата власти надъ собой (154—155), то созерцательная молитва (или экстазъ истинный) не есть въ собственномъ смыслѣ экстазъ, а „изумленіе“, „плѣненіе въ созерцаніе“ (166); она дается, а не искусственно добывается (215), она—рѣдкій даръ (215), чужда экзальтаціи (223); она не есть безмысліе, а умное предстояние Богу (228); въ ней «самозабвеніе»—лишь въ смыслѣ прекращенія самовольнаго движенія душевныхъ силъ (250), дѣйствія же духовныя не останавливаются, а объединяются опредѣленнымъ духовнымъ предметомъ въ созерцаніи (251).—Изъ „*Пути*

ок)—это изумленіе, соединенное часто съ ужасомъ, вызванное созерцаніемъ высочайшихъ духовныхъ предметовъ; не выразимое никакимъ словомъ, ибо это состояніе возвышается надъ порядкомъ естественнымъ и всецѣло подавляетъ въ человекѣ чувственную жизнь,—и дѣлающее человека блаженнымъ участникомъ сверхчувственнаго бытія. Въ Св. Писаніи это состояніе называется „экстазомъ“ (Д. А. X, 9—10; XXII, 17—21), „восхищеніемъ до третьяго неба“, „восхищеніемъ въ рай (2 Кор. XII, 1—4), „нахожденіемъ въ духѣ“ (Апок. I, 10); у преп. Исаака С.—„созерцаніемъ“, „духовнымъ видѣніемъ“, „умнымъ видѣніемъ“, „вѣдѣніемъ“, „восхищеніемъ“ или экстазомъ, изумленіемъ (ἐκπληξίς), а у еп. Теофана—созерцательной или духовной молитвой, вѣдѣніемъ умной молитвы, изумленіемъ, плѣненіемъ въ созерцаніе, созерцаніемъ Бога, погруженіемъ въ Безпредѣльнаго, выходненіемъ изъ себя, исчезновеніемъ въ глубокомъ изумленіи (въ извѣстномъ смыслѣ)—„исчезновеніемъ въ Богѣ“, при чемъ еп. Теофанъ сознательно и очень старательно отличаетъ это благодатное духовное состояніе отъ экзальтированнаго природнаго экстаза неперковныхъ мистиковъ (см. Письма о духовной жизни, стр. 223 и др.). Какъ видно, по библейски-святоотеческому пониманію, экстазъ находится въ тѣсной связи съ молитвой, именно—онъ высшая ступень мо-

ко спасенію“: безмолвіе и совершенное безпеченіе приводятъ къ безстрастію или серафимовской чистотѣ, за комъ слѣдуютъ богообщеніе и боговселеніе, т. е. всецѣлое соединеніе съ Богомъ. Восхищеніе есть вѣнецъ умной молитвы, см. стр. 308 и сл.—*Начерт. христ. нравоуч.*: цѣль всего для христіанина—жизнь въ Богѣ, пребываніе въ Немъ, гдѣ намѣчаются такія ступени: хожденіе предъ Богомъ, радостное боговваленіе, благоговѣйный страхъ и изумленіе, въ коемъ—какъ бы замирание жизни, перенесеніе за предѣлы міра, погруженіе въ созерцаніе Божественной безпредѣльности (какъ бы въ нѣкоторый мракъ), налагающей молчаніе на слова и мысль, см. стр. 382 и сл. 390, 404—405.—Слѣдов., и въ ученіи еп. Теофана объ экстатическомъ состояніи видны также—1) указаніе на сохраненіе въ экстазѣ личности, самосознанія (см. Письма о духовной жизни, 42); 2) отрицаніе механичности и экзальтированности въ подлинномъ экстазѣ (см. тамъ же, стр. 43, 215, 223) и 3) указаніе именно „духовности“ этого состоянія (а не душевности его, вотъ почему душевная жизнь человека въ экстазѣ понижается, умалется при повышеніи жизни духовной), указаніе на его особую, т. е. несвойственную нашей чувственности, сокровенность; констатированіе безобразности, а не безмысленности экстаческаго познанія (тамъ же, стр. 228, 249—251).

литвы вообще, „молитва совершенных“ (Нилъ С., Иоаннъ Л.), „духовная“ (Макарий В.) или „созерцательная“ (еп. Теофанъ) молитва¹⁾. Ни въ Св. Писаніи, ни въ отеческихъ твореніяхъ мы не находимъ данныхъ для ученія объ экстазѣ, какъ состояніи всецѣлой отрѣшенности отъ собственной личности, сопровождающейся полнымъ подавленіемъ дѣятельности разума и свободы и совершеннымъ помраченіемъ самосознанія²⁾. Суть истиннаго мистическаго экстаза, по слову преп. Исаака С., въ томъ, что „умъ поглощается духомъ“. И такое состояніе называется „экстазомъ“ именно въ смыслѣ возвышенія его надъ обычнымъ порядкомъ и естественными воспріятіями, а не въ смыслѣ полной утраты человекомъ сознательности и нормальной свободы³⁾. И это состояніе—

¹⁾ По нашему мнѣнію, является вполне возможнымъ отождествить „экстазъ“ преп. Исаака С. съ „чистой“, созерцательной или духовной молитвой другихъ св. отцовъ-аскетовъ, ибо 1) самъ преп. Исаакъ называетъ „экстазъ“ „созерцаніемъ“, или „умнымъ видѣніемъ“; 2) различая молитву и „созерцаніе“, или „экстазъ“, св. отецъ подъ первой понимаетъ, видимо, лишь мысленное единеніе съ сверхчувственнымъ (ср. Зарина, стр. 458), а подъ вторымъ—опытное постиженіе его, т. е. усвоить ему тотъ именно признакъ, которымъ другіе писатели-аскеты характеризуютъ созерцательную или духовную молитву; 3) преп. Нилъ С. „совершеннѣйшую“ молитву также называетъ „восхищеніемъ ума“ (ἀρπύξου σοφ) и „экстазомъ“ (ἐκστασις), отрѣшеніемъ отъ чувственнаго, и описываетъ ее совершенно такъ же, какъ и экстазъ у преп. Исаака С. (ср. тамъ же, стр. 458, прим. 80-е); 4) еп. Теофанъ, вѣроятно изъ соображеній педагогическихъ, чтобы не дать повода смѣшивать истинно-христіанскій экстазъ съ сектантскимъ экстазомъ, вообще не называетъ духовнаго восхищенія экстазомъ, а „созерцательной“ или „духовной“ молитвой, ильненіемъ въ созерцаніе; но описываетъ подъ этимъ терминомъ (какъ мы видѣли) именно то, что преп. Исаакъ называетъ экстазомъ, и даже пользуется твореніями преп. Исаака, ср. Письма о духовной жизни, стр. 113 и сл.

²⁾ Такъ что выраженія, напр. у Исаака С. и у еп. Теофана, дающія поводъ допускать въ церковномъ ученіи безсознательный или соединенный съ помраченіемъ сознанія экстазъ,—слѣдуетъ принимать съ осторожностью и понимать не въ прямомъ смыслѣ, а какъ образныя выраженія, должествующія приблизительно обозначить отрѣшеніе мистика отъ своей чувственной личности п неизреченное соприкосновеніе духа его съ міромъ сверхчувственнымъ.

³⁾ Ср. у проф. Зарина, стр. 465—466, примѣч. 37 и 38, слова преп. Епифанія К.: „преп. Епифанія, объясняя значеніе слова „ἐκστασις“ въ изреченіи Псалма СХV, 2, говоритъ, что названное слово означаетъ человекъ не безумнаго, а человекъ чрезмѣрно удивляющагося при размышленіи о томъ, что превышаетъ обычную мѣру наблюдаемаго и совер-

предвосхищеніе, антиципация нашего будущаго прославленнаго состоянія и есть для истиннаго, т. е. духовнаго, человека нормальное, здоровое состояніе, и лишь теперь, для грѣховнаго человечества,—это рѣдкій даръ благодати, даруемый избранникамъ за высоту вѣры и подвига; его нельзя достигнуть внѣшне-механическими средствами или подвигами самими по себѣ, т. е. добыть искусственно, а должно лишь желать и искать его, подготавливая себя къ воспріятію сего благодатнаго дара усерднымъ прохожденіемъ христіанскаго подвижничества¹⁾. Слѣдовательно, и въ библейско-святоотеческомъ ученіи объ экстазѣ мы можемъ отмѣтить, какъ главнѣйшіе, слѣдующіе признаки, уже указанные нами и выше: отрѣшеніе отъ чувственнаго, единеніе съ сверхчувственнымъ, неизреченность, предвосхищеніе будущаго прославленнаго состоянія, немеханичность (или идеальную природность), духовную здравость и сознательность. Четыре первые признака экстаза могутъ быть легко констатированы нами и у преп. Симеона Нового Богослова²⁾, на примѣръ, въ слѣдующемъ его описаніи экстастическаго состоянія: „вошедши туда, гдѣ имѣтъ я обыкновеніе молиться, и начавъ „Святый Боже“, и вспомянувъ слово святаго старца, — пишеть св. отецъ отъ имени одного юноши — я вдругъ заплакалъ, и въ такія пришель слезы, и въ такой пламень къ Богу, что не могу выразить

шаемаго“; также „по словамъ преп. Епифанія Кипрскаго, ап. Петръ былъ въ экстазѣ не въ томъ смыслѣ, что потерялъ послѣдовательность разсудка, но въ томъ, что, вмѣсто ежедневнаго порядка, видѣлъ иное, по сравненію съ тѣмъ, что видятъ люди. Но апостолъ не былъ въ изступленіи ума“.

¹⁾ При изложеніи библейско-святоотеческаго ученія о сущности экстастическаго состоянія мы пользовались преимущественно, кромѣ Зарина, вышеуказаннымъ сочиненіемъ проф. С. М. Зарина, именно VI-мъ пунктомъ III главы 2 кн. 1-го тома, стр. 460—468, гдѣ особенно значными являются примѣчанія-отрывки изъ святоотеческихъ твореній въ подлинникъ, какъ и прочія примѣчанія этого капитальнаго труда о сущности православно-христіанскаго аскетизма.

²⁾ Въ твореніяхъ преп. Симеона можно указать много отрывковъ, въ которыхъ содержится описаніе религіознаго экстаза; но особенно обильный матеріалъ для этого находимъ мы въ его *Divinorum amonum liber*: это сочиненіе сплошь представляетъ собою, собственно говоря, дневникъ великаго экстастика-христіанина. Въ частности въ немъ можно указать слѣдующія мѣста, характеризующія, гл. обр., три основныя признака религіознаго экстаза: отрѣшеніе отъ міра 519 BC; описаніе экстаза вообще 520 A—C; неизреченность 522 C; 523 A—C; описаніе экстаза, какъ

того словомъ, ви той радости и сладостнаго утѣшенія, какія были тогда во мнѣ. Падши затѣмъ лицомъ наземь, я увидѣлъ нѣчто дивное¹⁾, ибо се—возсіялъ мысленно во мнѣ великій свѣтъ и взялъ къ себѣ весь мой умъ и всю душу. Изумился я такому чуду внезапному и сталъ какъ внѣ себя, забывъ и мѣсто, въ которомъ стоялъ, и что такое я, и гдѣ я,—вопіядъ тогда: Господи помилуй, какъ догадался, когда пришелъ въ себя. Впрочемъ, отче мой, кто былъ тотъ, кто говорилъ во мнѣ и приводилъ въ движеніе языкъ мой, не вѣдаю, Богъ то есть, — не вѣдаю и того, какъ соединился я съ тѣмъ свѣтомъ, въ тѣлѣ ли бывъ или внѣ тѣла. Вѣдаетъ сіе тотъ самый свѣтъ, который изгналъ и изъ души моей всю тьму и всякое земное мудрованіе, отъялъ отъ меня всю вещественность и тяжесть тѣла и произвелъ въ членахъ моихъ великое расслабленіе и изнеможеніе. Это изнеможеніе и расслабленіе членовъ моихъ и нервовъ было такъ сильно отъ крайняго напряженія, что мнѣ казалось, будто я слагаю съ себя бремя тѣлѣнія. Въ душѣ же моей онъ произвелъ радость великую, чувство умное и сладость, высшую всякой сладости чувственной. Сверхъ того онъ даровалъ мнѣ дивно свободу и забвеніе всѣхъ помысловъ, кои въ мірѣ, и открылъ самый способъ исхожденія изъ настоящей жизни; потому что всѣ чувства ума и души моей прилѣплены были тогда къ единому неизреченному веселію и радости отъ того свѣта. Но когда безмѣрный тотъ, явившійся мнѣ, свѣтъ мало-по-малу умалился, и наконецъ совсѣмъ сталъ невидимъ, тогда я пришелъ въ чувство и позналъ, какія дивности внезапно произвела во мнѣ сила того свѣта. Почему, испытавъ удаленіе его и видя, что онъ опять оставилъ меня одного въ этой жизни, я столь много опечалился, и душа моя такъ сильно возболѣзновала о томъ, что не могу выразить тебѣ, какъ слѣдуетъ, великой скорби, которая, какъ огонь, возгорѣлась тогда въ душѣ моей. Если можешь, отче мой, самъ

всѣлаго единенія съ Господомъ; 526 В—D: созерцаніе Бога, восхожденіе на небо и отрѣшенность отъ тѣла; описаніе всѣхъ моментовъ экстаза 535 В—D; сосредоточенность и антиципация будущаго состоянія 543 С; лишеніе чувства и единеніе съ Богомъ 545 D—546 А; неизреченность—549 А; 550 В—D; 551 В—С и 552 В; сознательность при неизреченности—555 В и 558 В; восхищеніе надо всѣмъ, единеніе съ Богомъ, отрѣшенность отъ тѣла 565 АВ; также 595. А.

¹⁾ Курсивъ здѣсь вездѣ нашъ.

вообрази и болѣзнь разлученія того, и высоту великаго онаго благодѣянія, и безмѣрную любовь, явленную мнѣ и возгорѣвшуюся во мнѣ; а не могу ни языкомъ сказать, ни умомъ понять безмѣрность онаго видѣнія. Я—говоритъ преп. Сименъ — сказалъ ему: нѣтъ, всесчастный отче и брате! Ты изобрази мнѣ дѣйствія того свѣта, который явился тебѣ. И онъ, сладкій, исполненный Духа Святаго и сподобившійся такого видѣнія, отвѣтилъ мнѣ кратчайшимъ и медорѣчивымъ гласомъ: „о, отче! Свѣтъ оный, когда является, веселитъ, а когда скрывается, оставляетъ рану и болѣзнь въ сердцѣ. Приходя или нисходя на меня, онъ возводитъ меня на небеса, одѣвая и меня свѣтомъ. Онъ является мнѣ, какъ ночная звѣзда, и есть невмѣстимъ для всей твари: сияетъ какъ солнце, — и мнѣ понятно, какъ вся тварь держится силою его. Онъ показываетъ мнѣ все, что есть въ твореніи, и повелѣваетъ мнѣ не заходить за предѣлы человеческого естества. Меня объемлютъ кровля и стѣны, а онъ отверзаетъ мнѣ небеса. Поднимаю чувственные очи мои, чтобы посмотрѣть, что есть на небѣ, и вижу, что тамъ все такъ же есть, какъ было прежде. Удивляюсь этому, — и слышу свыше гласъ, таинственно говорящій мнѣ: „то, что видишь теперь, есть таинственное предъизображеніе будущиѣхъ благъ, которыхъ, совершенно какъ они есть, не увидишь, пока носишь плоть. Но возвратись въ себя самого, и смотри, чтобы не сдѣлать чего-либо такого, что можетъ лишить тебя благъ, которыя сподобился ты получить. Если же и погрѣшишь когда, въ наученіе смиренію, позаботься не бѣгать покаянія; потому что покаяніе вмѣстѣ съ Моимъ человеколюбіемъ, изглаждаетъ и прежніе, и настоящіе грѣхи“ (сл. 86, Ал. XVI, II, 437—439). А теперь посмотримъ, какъ преп. Симеонъ понимаетъ суть подлиннаго экстаза и какъ опредѣляетъ его отношеніе къ экстазу ложному, т. е. какъ преп. отецъ трактуетъ остальные признаки подлиннаго, библейски-святоотеческаго экстаза, именно—его духовную здравость, идеальную природность и присущую ему сознательность? Данныя для этого находимъ въ словѣ 45-мъ, пунктѣ 10-мъ (по еп. Теофану, I, 402—419, а у Ал. XLVII), гдѣ говорится о томъ, что „святые по воскресеніи будутъ знать одинъ другого“; именно здѣсь мы читаемъ такое разсужденіе: „тѣ, которые говорятъ, что святые не будутъ видѣть и знать другъ друга, когда сподобятся лицезрѣнія Божія, поистинѣ

во тьмѣ ходятъ: еще не пришли въ общеніе съ Богомъ и не познали истинно Бога, но говорятъ и утверждаютъ то, чего не познали и въ созерцаніи чего никогда не приходили. Они говорятъ, что святые будутъ *находиться тогда какъ бы въ экстазѣ, въ нѣкоемъ восхищеніи, какъ и здѣсь они иногда приходятъ въ такое божественное восхищеніе*, и забудутъ и себя, самихъ и всѣхъ другихъ, находящихся съ ними. И видно изъ такихъ словъ ихъ, что они худо понимаютъ Божественное Писаніе, когда полагаютъ, что у святыхъ будетъ тогда такое же измѣненіе и восхищеніе, какое бываетъ у нихъ и здѣсь. Слыша, что когда такой-то святой пришелъ въ созерцаніе Бога, то восхитился умъ его, и онъ столько и столько дней и ночей провелъ, совершенно не помня ничего земного, но вмѣстѣ со всѣмъ другимъ забылъ и собственное свое тѣло, пребывая пригвожденнымъ къ созерцанію оному всей душою и всѣми чувствами,—слыша, говорю, объ этомъ, они полагаютъ, что нѣчто подобное будетъ и въ другой жизни въ Царствіи Небесномъ, совершенно не понимая божественныхъ и духовныхъ вещей и невидимыхъ таинствъ невидимаго Бога, недомыслимыхъ и недоступныхъ знанію непросвѣщенныхъ. Невѣдомо имъ, что *такое восхищеніе ума бываетъ не у совершенныхъ, но у новоначальныхъ*. Какъ родившійся во мрачной темницѣ, освѣщаемой слабымъ свѣтомъ малаго свѣтильника, съ трудомъ и неясно видитъ находящееся въ темницѣ его, совсѣмъ не зная, что внѣ темницы той есть свѣтъ солнца и множество другихъ прекрасныхъ вещей и твореній Божіихъ, входящихъ въ составъ видимаго міра; такъ и находящійся еще въ мрачной темницѣ страстей и чувствъ міра сего, если бываетъ просвѣщенъ малымъ нѣкіимъ вѣдѣніемъ (отъ Божественнаго Писанія), съ трудомъ, мало и темновато представляетъ таинства вѣры нашей, а о вѣчныхъ Божіихъ сокровищахъ, о томъ, каковы тѣ блага, которыми будутъ наслаждаться святые въ будущей жизни, совершенно никакого понятія не имѣетъ. И какъ находящійся въ темницѣ,—если среди многихъ проводимыхъ имъ тамъ дѣтъ, какъ нибудь случайно откроется небольшая трещина въ кровлѣ темницы, и онъ внезапно увидитъ, сколько позволяетъ величина трещины, свѣтъ небесный, котораго никогда дотолѣ не видывалъ и не воображалъ,—вдругъ приходитъ въ изступленіе, и какъ бы внѣ себя находясь, долгій часъ во всѣ глаза смотритъ вверхъ и дивится впе-

запно открывшемуся ему зрѣнищу; такъ и тотъ, кто *освобождаясь отъ узъ страстей и чувствъ, внезапно придетъ въ созерцаніе умнаго свѣта*, вдругъ бываетъ пораженъ и *объятъ удивленіемъ, и тьми, которымъ неизвѣстно такое состояніе, почитается вышедшимъ изъ себя, тогда какъ онъ весь сосредоточился въ себѣ умомъ и изумляется этому свѣтлому видѣнію, котораго сподобился*. И опять, какъ находящійся въ темницѣ,—если часто и каждочастно смотритъ въ отверстіе то, отъ долговременнаго пребыванія въ такой свѣтлости, привыкаетъ къ свѣту тому, а вмѣстѣ съ тѣмъ мало-по-малу умалется его первое великое изумленіе (какъ то же самое имѣетъ мѣсто и въ насъ въ отношеніи къ солнцу: привыкли мы каждый день видѣть его и думаемъ, что оно—вещь не такая, чтобы ему отдавать все вниманіе. Но если предположить, что мы, со времени рожденія доселѣ, никогда не видавши солнца, нынѣ только вдругъ увидѣли бы его предъ глазами своими, то, конечно, отъ великаго изумленія мы вышли бы изъ себя и стали безгласны), такъ *и душа, мало-по-малу преуспѣвающая въ духовномъ и привыкающая къ умному свѣту, не поражается уже такъ сильно умнымъ свѣтомъ, какъ это было въ первый разъ*; потому что по сему малому видимому ею свѣту заключаетъ, что есть и еще свѣтъ болѣе совершенный. И опять еще, какъ онъ, отъ рожденія заключенный въ темницѣ, по причинѣ малаго видимаго имъ свѣта начинаетъ, спустя долгое время, понимать, что дѣйствительно находится въ темницѣ, и что внѣ этой темницы есть дивныя нѣкія вещи, о которыхъ онъ не можетъ составить себѣ представленія, что онъ такое суть; но когда высвободится и выйдетъ изъ темницы, то видитъ и свѣтъ весь и все находящееся въ этомъ свѣтѣ;—такъ, полагай, бываетъ и съ человекомъ, который сначала немного вышелъ изъ узъ плоти и сталъ внѣ этого міра и всѣхъ видимыхъ вещей. Представъ въ умѣ своемъ, что весь этотъ міръ есть мрачная, безсвѣтная темница, и что свѣтъ нашего солнца есть то же, что свѣтъ малаго свѣтильника, который слабо освѣщаетъ всѣхъ, находящихся въ этой темницѣ, а внѣ его—*Трипностный Свѣтъ высшій всякаго свѣта, всякаго слова и разума, неизреченный, недомыслимый и непреступный, освѣщающій все* такое, что невидимо, невѣдомо и неизяснимо для находящихся въ темницѣ міра сего... И такъ, *когда мы со всѣмъ рвеніемъ, со всею вѣрою и любовью выйдемъ не того, чтобы*

увидѣть тотъ свѣтъ, что внѣ сей темницы міра, и тѣ вещи, что находятся въ томъ свѣтѣ и въ томъ мірѣ (ибо никто еще изъ взыскавшихъ таковое не сподобился и никогда не сподобится узрѣть то); но *взыщемъ напередъ сохранить заповѣди Божіи, покаяться, сокрушиться и смириться*: тогда откроется и для насъ какъ бы малое нѣкое отверстіе въ этомъ видномъ кровѣ небесномъ, а чрезъ него *покажется нѣсколько и невестественный оный и мысленный свѣтъ*, сущій превыше небесъ,—*который какъ только увидитъ душа, вся приходитъ въ восхищеніе, и стоитъ пораженная видѣніемъ сего новаго и преславнаго чуда, никогда невиданнаго ею дотолѣ*; будучи же восхищена на небо, нудится пребыть тамъ, *углубляясь мыслию въ недомыслимый оный свѣтъ*, яко невечерній и непрестающій, и погружаться въ созерцаніе его день и ночь, и желанія уже не имѣетъ онять возвратиться въ темницу міра и смотрѣть на вещи, которыя въ немъ. И вотъ это-то созерцаніе, какъ я сказалъ, есть *созерцаніе новоначальныхъ, которые недавно выжили на подвигъ добродѣтелей. Но когда человекъ пребудетъ долгое время въ такомъ созерцаніи онаго свѣта*, не возвращаясь вспять въ міръ, *тогда отверзается ему небо-ли, или око сердца его*, т. е. умъ,—не можетъ онъ того сказать опредѣленно,—отверзается, говорю, умъ-ли паче, или небо, *и свѣтъ оный входитъ внутрь души его*, свѣтъ пресвѣтлый и предивный, и просвѣщаетъ его соразмѣрно съ тѣмъ, сколько можетъ вмѣщать его человѣческое естество, или сколько онъ того достоинъ. *Если онъ пребудетъ въ семъ свѣтѣ*, то и свѣтъ сей пребудетъ въ немъ, которымъ будучи просвѣщаемъ, онъ *будетъ узрѣвать и домыслиять таинство за таинствомъ, и чудо за чудомъ*, восходя отъ созерцанія къ созерцанію, что все если-бъ кто изъ таковыхъ восхотѣлъ описать, не достало бы ни бумаги, ни чернилъ, и времени, думаю, не достало бы изложить все подробно. Истиннѣе же сказать: какъ можно описать или пересказать то, чего нельзя выразить словомъ, какъ неизреченное и неизглаголанное? *Находясь же въ семъ свѣтѣ*, или, лучше сказать, съ симъ свѣтомъ, *онъ не какъ въ изступленіи бываетъ, но видитъ и себя самого и то, что окрестъ его*, т. е. видитъ, въ какомъ состояніи самъ находится, и въ какомъ состояніи находятся другіе; *также онъ предъзнаетъ и предсказываетъ*, что когда выйдетъ изъ этой темницы міра и тѣла,—и особенно по воскресеніи,—тогда всеконечно увидитъ и невечерній оный свѣтъ, сколько возможно будетъ ему

увидѣть его, и блага, сущія въ немъ, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша (1 Кор. II, 9). По поелику онъ узритъ и ихъ такъ, какъ они суть уготованы отъ Бога любящимъ Его и ими восприняты; *то очевидно, что со вступленіемъ въ свѣтъ оный мы не лишимся способности познавать и видѣть другъ друга*, но, вкусивъ осіянія онаго и созерцанія свѣта онаго чистѣйшаго, *какъ Бога будемъ знать и видѣть, такъ и другъ друга*, въ чистѣйшемъ и неизреченномъ веселіи и радованіи во вѣки вѣковъ“ (Еп. Теофана, переводъ словъ преп. Симеона ч. I, 413—418).

Итакъ, все ученіе преп. Симеона объ истинномъ, или подлинномъ экстазѣ, устанавливаемомъ на основаніи точно опредѣленныхъ и несомнѣнныхъ критеріевъ, можетъ быть сформулировано въ такихъ краткихъ положеніяхъ: 1) преп. Симеонъ указываетъ, какъ основные, три признака экстатического состоянія, именно реальное единеніе съ сверхчувственнымъ, полное отрѣшеніе отъ чувственнаго и неизреченность,—и трактуетъ экстазъ, какъ предвосхищеніе будущаго состоянія; 2) суть подлиннаго экстаза, по возрѣнію преп. Симеона, „восхищеніе“ ума въ смыслѣ удивленія, изумленія отъ необычности зримаго, а не въ смыслѣ утраты сознанія, при чемъ это восхищеніе, естественно,—особенно сильно у новоначальныхъ мѣстиковъ, и лишь неопытными „внѣшними“, принимается какъ „выхожденіе изъ себя“, изступленіе ума, тогда какъ это есть лишь высшая степень умственной сосредоточенности; 3) наконецъ подлинный, благодатный экстазъ, какъ высшее изъ доступныхъ человѣку на землѣ состояній, какъ предображеніе будущаго прославленнаго состоянія, слѣдов.,—состояніе духовно-здоровое и нормальное для идеальнаго человѣка,—постепенно достигается человекомъ, по мѣрѣ успѣха въ духовномъ возрастаніи, и вообще, а на высшихъ своихъ ступеняхъ въ особенности (напр. въ будущемъ вѣкѣ), соединяется съ (полнымъ) самосознаніемъ человѣка, представляя собою не уничиженіе или уничтоженіе сознанія, а возвышеніе, расширеніе и просвѣтленіе его.

Какъ извѣстно и какъ можно замѣтить уже изъ вышеприведенныхъ нашихъ замѣчаній о сущности экстаза, этотъ послѣдній находится въ тѣсной связи съ половой сферой человѣка, ближайшимъ образомъ—съ фактомъ полового воздержанія (полнаго или частичнаго—въ данномъ случаѣ это несущественно), съ отсутствіемъ сексуальной активности,

при ея возможности: „древнее преданіе о томъ, что полное воздержаніе отъ половой жизни есть нечто святое, не получило бы въ христіанской Церкви толчка къ новой жизни, еслибъ опытъ не доказалъ, что это воздержаніе не только освобождаетъ человѣка отъ заботъ о житейскомъ, но что человѣкъ при неудовлетворенномъ половомъ влеченіи болѣе возбудимъ въ религіозномъ отношеніи“—говоритъ уже извѣстный намъ Beck въ своемъ изслѣдованіи „Die Ekstase“ (S. 121), при чемъ въ другомъ мѣстѣ дѣлаетъ къ этому характерное добавленіе: „замѣчательно, пишетъ онъ, что экстатическое переживаніе чаще находится въ связи съ женскимъ, чѣмъ съ мужскимъ сексуальнымъ чувствомъ—даже у мужчинъ, которые, вѣдь, въ извѣстной степени обладаютъ также способностью женственнаго сексуальнаго чувства: предпочтеніе же женственныхъ чувствованій объясняется здѣсь тѣмъ, что могучій моментъ экстаза, именно—отказъ отъ своего „я“, отъ своей воли, и врученіе себя кому-то крѣпчайшему и сильнѣйшему, находитъ здѣсь свое выраженіе“ (S. S. 52—53). Подобныя же мысли находимъ мы и у Leuba¹⁾, который, опредѣляя экстазъ—это *sanctum* мистической жизни, какъ „любовный трансъ“ (*trance amoureuse*), такъ развиваетъ свои положенія: важное значеніе для объясненія мистическаго экстаза имѣетъ половое воздержаніе мистиковъ; сексуальная энергія не находитъ себѣ обычнаго выхода, пребываетъ въ скрытомъ состояніи (*en sourdine*) и производитъ свойственные душевной жизни мистиковъ эксцессы; при этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что сексуальный организмъ можетъ пробуждаться къ активности и безъ того, чтобы субъектъ его давалъ себѣ ясный отчетъ о происхожденіи внутренняго пріятнаго волненія. Все это уполномочиваетъ Леуба, по его мнѣнію, признать мистиковъ, въ извѣстной степени, „эротоманами“. Но, высказывая такой приговоръ о мистикахъ, изслѣдователь пытается ограничить свое утвержденіе двумя оговорками въ пользу мистиковъ: во-первыхъ, онъ защищаетъ мистиковъ отъ возможныхъ обвиненій—„но мистиковъ не должно поносить, говоритъ онъ, имъ слѣдуетъ удивляться: это боль-

¹⁾ См. *Tendances religieuses chez les mystiques chrétiens*, *Revue philosophique*, 1902, LIV, pp. 460—468. Ср. также „Вопросы философіи и психологіи“ кн. 75-я, 1904 г., отчетъ о статьѣ Brenier de Montmorand. *L'érotomanie des mystiques chrétiens*, стр. 746.

ныя души, но отважныя и благородныя, дерзашія отвергнуть самыя сильныя притязанія природы и стремящіяся освободиться отъ плѣна похоти; ихъ отказъ не простой капризъ, но стремленіе остаться вѣрными велѣніямъ нравственнаго закона; они—крайніе борцы за христіанскую тенденцію сохраненія плотской чистоты“;—во вторыхъ же, указываетъ въ мистическихъ наслажденіяхъ, особенно высшихъ ступеней, кромѣ сексуальной жизни, еще иной производящій факторъ, именно—мускульное напряженіе, которое можно констатировать почти всегда на высшихъ ступеняхъ экстаза, такъ что должно признать, что органическое наслажденіе, при высшей степени напряженія, можетъ быть совершенно независимымъ отъ сексуальной активности (— р. 468).

Если православному мыслителю, конечно, нельзя раздѣлить взглядовъ, которые высказываютъ Beck и Leuba, то ихъ все же слѣдуетъ принять во вниманіе, какъ попытки 1) научно установить связь экстаза съ сексуальной областью и 2) дать этому факту посильныя объясненія¹⁾. Теперь намъ интересно посмо-

¹⁾ Также указаніе на связь экстаза съ половой сферой мы находимъ у г. Коновалова, въ его книгѣ „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ. Часть I, вып. I: Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза. Сергіевъ Посадъ, 1908 г.“, стр. 72 примѣчаніе 1-е и стр. 115—116, примѣчаніе 2-е: „возбужденіе полового инстинкта въ связи съ религіозной экзальтаціей и вообще съ молитвеннымъ подвигомъ—общезвѣстный фактъ, но до сѣхъ поръ не достаточно разъясненный“. „Художественное“ дѣланіе молитвы Иисусовой—говоритъ еп. Теофанъ Затворникъ—„много ввергаетъ въ прелесть мечтательную, а иною, дивно сказать, въ постоянное похотное состояніе“ (Собр. писемъ. М. 1901, т. 7, стр. 87 и т. 2, стр. 65, 195). По его же словамъ, теплота („теплое чувство“), сопровождающая сосредоточенную въ сердцѣ молитву, нерѣдко соединяется съ сладостью похотною“ (Собр. писемъ, Тамбовъ, 1897, 317—319). Еще ссылка на сочиненія еп. Игнатія Брянчанинова, т. 2, Слб. 1865, стр. 354, и указана прочая иностранная и русская литература, стр. 72.—Но, съ другой стороны—„фактъ угнетающаго вліянія на религіозный экстазъ плотскаго грѣха“ констатируется многими показаніями сектантовъ-мистиковъ. Несомнѣнно, что отрицательное отношеніе хлыстовъ и другихъ сектантовъ-мистиковъ къ браку и вообще къ половому сожитію мужчины и женщины, а также и брезгливое отношеніе къ дѣторожденію стоятъ въ тѣсной связи съ даннымъ наблюденіемъ“, стр. 115—116.—Здѣсь же можно привести указанія Beck'a и Коновалова на тѣ физіологическія и вообще *тѣлесныя явленія, которыя сопровождаютъ натуральный и патологическій экстазъ* по Beck'у—1) *явленія, жаснощіяся равновѣсія*: часто во время экстаза исчезаетъ сознаніе тяжести собственнаго тѣла, а въ экстатиче-

трѣть—можно ли найти какія-либо данныя для установленія этой связи въ твореніяхъ преп. Симеона и, главное, если они будутъ найдены,—какъ ихъ объяснить съ точки зрѣнія святоотеческой религіозной философіи?—Въ словѣ IV-мъ Оптинскаго изданія 12-ти словъ преп. Симеона (—Migne op. XXVIII 455 A—464 C), озаглавленномъ: „О томъ, чтобы убѣгать растлѣнныхъ и вредныхъ людей и удалиться бесѣдъ ихъ и возбуждать себя къ дѣланію добродѣтелей...“ и т. д. (стр. 51—69), мы читаемъ такія слова преп. автора: „ибо какъ одежду, измаранную грязью и всю оскверненную какой-либо нечистотой, иначе невозможно очистить, если не мыть въ водѣ и не стирать ее долго; такъ и ризу душевную, осквер-

скомъ состояніи сильнаго напряженія экстазику кажется, что онъ совершенно утратилъ вѣсь и готовъ летѣть, а иногда наблюдателямъ кажется, что экстазикъ свободно поднимается надъ землею. Вскъ пытается дать этому явленію объясненіе съ точки зрѣнія своей гипотезы о сущности экстаза, какъ возвращенія въ состояніе прасознанія: въ экстазѣ обновляются какіе-то нервные процессы, которые соединены съ освобожденіемъ тѣла отъ его вѣса... Нельзя а priori сказать, что среди центральныхъ нервныхъ органовъ нѣтъ остатковъ, которые когда-то служили для передачи ощущеній равновѣсія, а теперь или служатъ другимъ цѣлямъ, или рудиментарны...: въ экстазѣ же чрезъ центральное возбужденіе пробуждается прежнее ощущеніе „отсутствія вѣса“; 2) очень часто, хотя и не всегда, экстазъ соединяется съ *вдспрїятїями свѣта*...; 3) по примѣру зрѣнія, и прочія чувства—*слуха, вкуса, обонянія*—при экстазѣ функционируютъ не такъ, какъ въ нормальномъ состояніи...; наконецъ, 4) *общее чувство* экстазика также опредѣляется не обычно, именно—въ силу особыхъ измѣненій его кожныхъ мускуловъ, въ силу особой ихъ иннервации во время экстаза, у экстазика является предположеніе, что онъ освобождается отъ тѣлесныхъ оковъ и начинаетъ обладать новымъ небеснымъ тѣломъ (Die Ekstase, ss. 60—74). У Коновалова же имѣются такія данныя, касающіяся—правда—тѣлесныхъ явленій сектантскаго экстаза: эти явленія „въ ихъ послѣдовательномъ развитіи образуютъ три главныхъ періода. *Первый* періодъ характеризуется, по преимуществу, возбужденіемъ органическихъ функций, *второй*—двигательнымъ возбужденіемъ, *третій*—возбужденіемъ функций рѣчи“, стр. 4. Къ *первому* періоду относятся—1) возбужденіе кровеносной системы... 2) возбужденіе секреторной функции—потъ, слѣзы...; 3) возбужденіе дыханія...; 4) возбужденіе пищеварительнаго аппарата—внутренностей, напр. трепетаніе въ животѣ, что иногда является слѣдствіемъ возбужденія такъ называемаго „солнечнаго сплетенія“,—стр. 55. Ко *второму* періоду относятся различнаго характера экстазическія движенія—1) общія дрожательныя движенія, 2) мѣстныя движенія, напр., лица, глазъ, плечъ и т. п., стр. 151, 3) локомоторныя движенія—ходженіе, бѣганье, прыганье, верченіе и пр. Къ *третьему* же періоду относится возбужденіе функции рѣчи—стр. 256.

ненную тиною и гноемъ грѣховныхъ страстей, иначе отмытъ нельзя, какъ только многими слезами и перенесеніемъ искушеній и скорбей. У насъ существенно два истеченія изъ тѣла, т. е. слезы, истекающія сверху, и сѣменная влажность; послѣдняя оскверняетъ душу, когда истекаетъ противъ естества и закона; а первыя очищаютъ ее, когда бываютъ отъ покаянія. Потому и должно тѣмъ, которые осквернили душу чрезъ незаконное совершеніе грѣха и страстное движеніе сердца и начертали въ ономъ образы безсловесныхъ похотей,—очищаться многими слезами, дабы стяжать чистѣйшую душевную ризу: иначе невозможно увидѣть Бога, Самого Сущаго Свѣта, Иже просвѣщаетъ сердце всякаго чловѣка, грядущаго (Іоан. I, 9) покаяніемъ узрѣть Бога“ (стр. 59; Mg. 459—460 A, при чемъ еще прибавлено: *siquidem mundi corde Deum vident*).—Если здѣсь подъ словомъ „эротоманія“ понимать не патологическое душевное состояніе, одинъ изъ видовъ „паранойи“ или „первичнаго сумасшествія“, которое, очевидно, не можетъ имѣть ничего общаго съ истиннымъ мистическимъ воспрїятіемъ, а способность нѣкоторыхъ нѣжныхъ и наиболее глубокихъ эмоцій особымъ образомъ, именно—при условіи полового воздержанія, воздѣйствовать на половые центры, то можно, на основаніи приведеннаго мѣста изъ твореній преп. Симеона, объяснить *основаніе для нѣкотораго сближенія* истинныхъ мистиковъ съ эротоманами и осудить склонность пныхъ ихъ смѣшивать, всецѣло отождествлять. Дѣло въ томъ, что для мистика, особенно на первыхъ ступеняхъ мистическаго подвига, по ученію преп. Симеона, существенно необходимы слезы, которыя, „очищая сердце и дѣлая оное храмомъ и обителью Св. Духа“, стоятъ, по свидѣтельству того же преп. Симеона, въ нѣкоемъ тѣсномъ отношеніи къ половой жизни мистика, именно—онѣ находятся какъ-бы въ прямомъ соотношеніи съ сѣменной влажностью и, имѣя съ нею какъ-бы одинъ общій источникъ, служатъ для энергіи, направленной на половую жизнь, сперва средствомъ разряженія, а затѣмъ—и облагороженія, одухотворенія, преображенія: онѣ „очищаютъ“ душу отъ плотской скверны, т. е. отъ порабощенія ея нечистыми помыслами, которые находятъ пищу въ беспорядочныхъ половыхъ стремленіяхъ; слѣдов., очищеніе ¹⁾ это заключается собственно въ

¹⁾ Ср. проф.-прот. С. А. Соллертинскій. Пастырство Христа Спасителя, стр. 279—280: „Спаситель комментаріямъ кротости предпосылаетъ слово

томъ, что *душевная энергія*, прежде слѣдая и потому ложно направленная на (обычно слишкомъ интенсивное и незаконное) служеніе половымъ инстинктамъ, теперь чрезъ воздержаніе и покаяніе осмысляется, дѣлается зрѣчей, преобразуется и переводится на идеальное служеніе—служеніе дѣляемъ мистическихъ созерцаній. Такимъ образомъ, *никакъ нельзя отождествлять подлинное мистическое воспріятіе съ состояніемъ эротоманіи*, ибо 1) эротоманія, въ собственномъ смыслѣ слова,—состояніе патологическое, а мистическое воспріятіе—состояніе идеально-здоровое; 2) эротоманъ всецѣло отданъ интересамъ часто извращеннаго полового чувства, съ совершеннымъ забвеніемъ о приматѣ духа и о святости тѣла христианина, православный же мистикъ—прежде всего усердный богозритель, все подчиняющій интересамъ богозрѣнія и переживающій при этомъ психическія состоянія, соприкасающіяся съ сексуальной сферой, только въ силу того, что все психическія переживанія человѣка связаны другъ съ другомъ и что мистическое воспріятіе, отличаясь характеромъ всецѣлости и захватывая „всего“ человѣка, который, вѣдь, по природѣ своей—духовнотѣлесенъ, лишь постепенно проникаетъ его собою, постепенно его преобразуетъ.

На этомъ можно покончить разсмотрѣніе третьяго и послѣдняго изъ намѣченныхъ нами пунктовъ въ апологіи мистическаго воспріятія,—пункта о критеріяхъ подлиннаго мистическаго воспріятія въ отличіе его отъ ложныхъ видѣній, натурального и патологическаго экстазовъ и эротическихъ возбужденій.

Теперь мы имѣемъ весьма обстоятельные и глубоко обоснованные отвѣты преп. Симеона Новаго Богослова¹⁾ на все три приведенные въ началѣ нашего изслѣдованія, поставленные проф. Ал. Ив. Введенскимъ, вопроса относительно воз-

Ветхаго и Новаго Завѣта о любодѣянніи...; Спаситель указалъ на первоначальный моментъ и на главную причину, благодаря которой въ члвкѣ достигается стремленіе къ стихійной жизни, стремленіе сражаться“.

¹⁾ Полагаемъ, что здѣсь будетъ уместно отмѣтить, какъ преп. Симеонъ Н. Б. объясняетъ нападки на мистику и какъ оцѣниваетъ ея отрицаніе. Преп. Симеонъ говоритъ, что вообще люди отрицаютъ мистическій опытъ по причинѣ своего невѣрія, развращенія сердца и зависти (сл. 80, All. LV, II, 339—341); вообще по страстности (сл. 84, All. L, II, 397—398; ср. II, 561—562, гл. 161—Mg. 642 D), по гордости (сл. 87, All. LXVI, II, 450) и сомнѣнію (гл. 118, II, 545—546—Mg. 661—662 A), въ

возможности православно-христианской мистики: св. отецъ какъ бы такъ отвѣчаетъ на нихъ, если постараться кратко формулировать суть его отвѣтовъ,—1) истинный христианинъ не только можетъ, но и непременно долженъ быть настоящимъ мистикомъ, имѣть въ себѣ живо и ощутительно Христа-Бога и въ Немъ и чрезъ Него зрѣть Бога Трѣипостаснаго; 2) если не все, по своей грѣховной немощи, могутъ здѣсь на землѣ быть мистиками, то все, ищущіе во Христѣ спасенія, могутъ и должны быть сознательными мистическими; 3) наконецъ, существуютъ твердые критеріи для несомнѣннаго установленія подлинности мистическаго воспріятія, дающіе возможность отличить его отъ продуктовъ разстроеннаго, или просто недисциплинированнаго, воображенія и отъ состояній натурального и патологическаго экстаза и эротоманіи.

особенности же по высокому мнѣнію о своей внѣшней учености (сл. 84, II, 397—398), по увлеченію „внѣшней премудростью объюродѣвшей“ (гл. 117, II, 545—Mg. 659—660 D). Отрицатели мистики, дѣйствительности и подлинности мистическаго опыта,—не только говорятъ о томъ, чего сами не познали опытно (ср. сл. 83, All. LV—II, 392—393; ср. II, 335), но и, забывая, что духовное вѣдѣніе внѣшнему не можетъ быть доступно (сл. 49, I, 442—443—Mg. 19 ор., 401B—401D), весьма поспѣшно отрицаютъ это духовное, „невѣданное“ для нихъ (ср. сл. 69, II, 200—Mg. 33 ор., 505 C), „по собственному своему состоянію суда и о томъ, что касается ближнихъ“ (гл. 57, II, 524—Mg. 629—630 A). Что касается оцѣнки такого отрицанія, то преп. Симеонъ называетъ отрицающихъ мистику „еретиками“ (см. сл. 47, I, 427—428—Mg. 30 ор., 472 B—473 A) и даже болѣе, отступниками отъ сущности христианства: онъ говоритъ, что это—„крайнее нечестіе, паче нежели ересь... низвращеніе всего воплощеннаго домостроительства Господа нашего Иисуса Христа и явное отверженіе обновленія образа Божія“ въ члвкѣ, сл. 64, All. XXXII, II, 125—127.